

№8

август 2025

РУССКИЙ КЛУБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8
(238)
август 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** КАКИМ ТЫ БЫЛ В ДЕТСТВЕ? – Я БЫЛ СЧАСТЛИВЫМ...
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 10** АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН И ЕГО ЛОДКА.
НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16** ДОБРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 20** В ПОИСКАХ ЖАНРА
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 25** СТАЛИН
ДЭВИ СТУРА
- 29** ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ
ОЛЕГ ЕГОРОВ-РАКОВСКИЙ
- 30** ИЗ ДНЕВНИКА
ОЛЬГА ПОЛУЯН
- 34** ЗАПИСКИ МИГРАНТА
СЛАВА СТЕПНОВ
- 39** ШУДРА БЕРЕТ МЯЧ!
ОМАР ШУДРА
- 42** ТЕАТР РОЖДАЕТСЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС
НИНА ШАДУРИ
- 47** ИВАНЭ БЕРИТАШВИЛИ
ОМАР ШУДРА
- 48** ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ
ЕЛЕНА СКУЛЬСКАЯ
- 50** «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 54** ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Роб АВАДЯЕВ

ЗНАМЕНИТЫЙ ФИЛИПП II АВГУСТ

Он стал королем Франции в 1180 году. Это был один из сильнейших монархов Средневековья. Он родился 21 августа 1165 года. В юности Филипп II Август дружил с английским принцем Ричардом Львиное Сердце, вместе они участвовали в Третьем крестовом походе (1190-1191). Однако на Святой земле обстановка обострилась: Филипп ревновал Ричарда к его славе и популярности. Их «дружба-вражда» – сплошная череда интриг и предательств. Вроде были союзниками, вместе осаждали Акру, но внезапно Филипп сказался больным и вернулся во Францию, «кинув» Ричарда. А вернувшись, воспользовался отсутствием старого друга, чтобы отвоевать у Англии важные территории, включая Нормандию. Их отношения окончательно испортились, и вплоть до смерти Ричарда в 1199 году они оставались соперниками. Англичанин называл француза «маленьким королем» (из-за низкого роста) и громил в битвах. А после смерти Львиного Сердца Филипп продолжил войну с Иоанном Безземельным и таки отвоевал Нормандию. Филипп II был, скорее, мастером политических интриг, а Ричард – бесстрашным воином. Но королем Филипп был очень

успешным – развились ремесла и сельское хозяйство, он превратил Париж в столицу, при нем мостились дороги и городские улицы, возводились мосты и крепости, был построен Лувр. Любопытная деталь: Филипп был прямым потомком Ярослава Мудрого и Анны Ярославны – дочери киевского князя. Он ей приходился праправнуком. Да и имя «Филипп» королева Анна ввела во французский обиход в честь своего отца, князя Ярослава – его имя в крещении Юрий-Филипп. Таким образом, в жилах Филиппа II Августа текла кровь Рюриковичей. Между прочим, и его конкурент Ричард Львиное Сердце тоже был потомком другой ветви Рюриковичей через жену Ярослава Мудрого Ингигерду. Впрочем, если копнуть глубже, почти все европейские монархи – «кузены» через викингов и Каролингов.

МОПАССАН, ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ И НЕ ТОЛЬКО

Это классик французской литературы, мастер короткого рассказа и реалистического стиля, родился 5 августа 1850 г. Его творчество отличается лаконичностью, иронией и глубоким психологизмом. Учился у Флобера и перенял от него стремление к точности слова и безжалостному изображению жизни без прикрас. Наиболее известны его романы «Жизнь», «Милый друг» и сотни новелл, в которых он с пронзительной язвительностью описывал быт, страсти и лицемерие общества Третьей республики. Мопассан был человеком болезненно чувствительным и скептическим, не верил в добродетель и часто показывал мир как абсурдный и жестокий. При этом его рассказы пронизаны сочувствием к простому человеку. Ги де Мопассан был не только гением короткого рассказа, но и мастером эпатажа, а его жизнь полна курьезов и забавных эпизодов: например, Мопассан ненавидел Эйфелеву башню и называл ее «скелетом», но... регулярно обедал в ее ресторане. На вопрос «Почему?» отвечал: «Это единственное место в Париже, откуда ее не видно!» А однажды, рассердившись на своего учителя Гюстава Флобера, который требовал от него лаконичности, Ги принес ему рассказ... без единого глагола! Флобер прочел и признал: «Черт, но это работает!» Как-то раз лакей Мопассана принес ему рассказ собственного сочинения. Писатель прочел, вырвал страницу, вписал: «Мой слуга – бездарь. Ги де Мопассан» – и велел отнести в журнал. И рассказ напечатали с этой пометкой.

Он страдал от сифилиса, который с годами подорвал его разум: по-

следние годы жизни писатель провел в психиатрической клинике. Несмотря на короткую литературную карьеру, он оказал огромное влияние на развитие реализма и новеллы в европейской прозе. А еще этот великий скептик с горечью говорил: «Жизнь – это гора: пока вы карабкаетесь, вам кажется, что цель впереди; а на вершине понимаете, что самое интересное было в пути».

МЕРЕЖКОВСКИЙ

Дмитрий Мережковский, родившийся 8 августа 1865 года, – русский писатель, философ, один из основоположников символизма и религиозного модернизма. Его проза, в частности историческая трилогия «Христос и Антихрист» («Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей»), стремилась соединить духовные искания с художественным поиском. Он был женат на Зинаиде Гиппиус – выдающейся поэтессе и интеллектуалке Серебряного века. Их союз стал уникальным примером творческого и духовного партнерства. Вместе они создали философско-религиозный кружок, писали, переводили, участвовали в культурной жизни России и эмиграции. Несмотря на эксцентричность и независимость обоих, их брак был прочным – они не только прожили жизнь рядом, но и рассматривали себя как «двуединую душу». Даже в изгнании (Париж) они продолжали совместную деятельность, оставаясь друг для друга центром жизни и творчества. Их союз стал символом платонической любви и интеллектуального единства.

СМЕРТЬ РИЧАРДА III

Король Ричард III прожил всего 33 года. Он не был ни горбуном, ни старцем, да и коварным убийцей тоже не был. Это последний король Англии из династии Йорков и последний монарх, павший на поле боя. Его гибель в битве при Босуорте 22 августа 1485 года завершила Войну Алой и Белой розы и ознаменовала приход новой династии Тюдоров. Традиционный образ Ричарда как жестокого, злобного, уродливого тирана во многом сформирован Томасом Мором в его незаконченной книге «История Ричарда III» и гениальной пьесой Шекспира, написанной при дворе потомков врагов короля Ричарда. Современные историки и рикардianцы, из круга его поклонников, считают этот образ несправедливым.

Современный историк Клео О'Нил пишет: «Ричард пал жертвой первого в истории тотального черного пиара. Тюдоры уничтожили не человека — они создали мифологическое чудовище». И археологические данные не подтверждают его якобы чудовищной внешности — сколиоз был, но Ричард мог охотиться, танцевать на балах, носить доспехи, участвовать в сражениях, был боеспособен и харизматичен. Да, его восшествие на престол сопровождалось исчезновением племянников — «принцев в Тауэре» — но не доказано, что именно он был к этому причастен. Напротив, смерть мальчиков скорее ослабляла его легитимность. Ричард правил лишь 777 дней, но проявил себя как решительный и законопослушный монарх, проводивший реформы и стремившийся к справедливости. За этот короткий срок Ричард успел ввести суд присяжных и запретить конфискацию имущества без суда — так он защитил народ от произвола знати. Ослабил цензуру, разрешив печатать книги на английском, а не только на латыни. Поддержал торговцев, упростив таможенные правила. Такие меры не похожи на политику «кровавого

тирана». Даже официальный историк его врагов Полидор Вергилий был вынужден объективно признать: «Если бы он победил при Босуорте, его правление могло бы считаться славным — ибо он демонстрировал и справедливость, и воинскую доблесть».

Ричард III погиб в битве, сражаясь в первых рядах. В бою он лично возглавил атаку на наглого претендента, Генриха Тюдора, разглядев того в гуще сражения. Ричард прорвался к его знамени и даже убил телохранителя Тюдора — гиганта Джона Чейни. Это точно не поступок труса или коварного интригана, а поведение воина, готового riskнуть жизнью. Вот свидетельство битвы при Босуорте из письма венецианского купца, написанного в том же году: «Король Ричард пал, но как лев — он сражался пешком, когда его жизнь могли спасти бегство или сдача». Особенно мощно это звучит в контрасте с шекспировскими словами: «Коня, коня! Корону за коня!» — ведь реальный Ричард отказался от коня и бился пешком. И известно, что кричал он другие и совсем не малодушные слова в адрес изменников-лордов Стенли, переметнувшихся в стан противника посреди битвы: «Предательство, предательство!» Как писал в XVIII веке Гораций Уолпол — его первый открытый защитник и рикардianец: «Ни один английский король не был так оклеветан... Его пороки выдуманы, а добродетели забыты».

Пожалуй, по справедливости следует признать, что Ричард III точно заслуживает пересмотра стереотипов.

БОТАН НА ТРОНЕ

Император Клавдий родился в галльском городе Лугдуне (совр. Лион) 1 августа 10 года до н.э. и был четвертым правителем Римской империи из династии Юлиев-Клавдиев. Долгое время его считали слабым и недееспособным из-за физической немощи, заикания и склонности к уединенной ученой жизни.

Человеком он был беззлобным и до своего восхождения к вершинам власти, не имея возможности и способностей к военной карьере, вел тихий образ жизни книжного умника. Изучал труды философов и много писал: «Историю этрусков» и «Автобиографию» (увы, утрачены). Его знакомые и приятели отмечали его обширную эрудицию: «Клавдий знает больше, чем все мы вместе взятые». Но и его дед, император Август, с бабушкой Ливией, и дядя Тиберий считали Клавдия недоумком. А Калигула попросту публично издевался над ним. Когда же буйного племянника заговорщики убили прямо во двор-

це, Клавдий в ужасе спрятался за портьерой. Но нашедший его преторианец выволок несчастного наружу, и все военные громко потребовали сделать Клавдия новым владыкой Рима. Сенат испуганно подчинился.

Однако, вопреки ожиданиям, став императором в 41 году после убийства Калигулы, Клавдий проявил себя как умелый администратор и реформатор. Он расширил империю, в 43 году н.э. завоевал Британию, лично прибыв на остров и приняв капитуляцию 11 британских царей. Сенат даровал ему триумф, но злые языки говорили: «Он искал славы, потому что не мог ее заслужить в Риме». А также занимался укреплением границ, присоединив Мавританию и Фракию, и начал кампанию в Германии. Он первым создал профессиональный госаппарат из вольноотпущенников, что уменьшило коррупцию сенаторов. Как писал Светоний: «Он управлял империей через секретарей, но управлял мудро». Он построил два акведука, осушил озера для увеличения сельхозземель, перестроил порт Остию. Даровал римское гражданство галльской знати, что укрепило лояльность провинций.

Его личная жизнь была менее удачной. Его третья жена, Валерия Мессалина, прославилась развратом и заговором против мужа, за что была казнена. Четвертая жена, Агриппина Младшая, стремилась к власти ради своего сына Нерона. По преданию, она отравила Клавдия грибами, чтобы обеспечить восшествие сыночка на трон. Так завершилась судьба одного из самых недооцененных, но действительных правителей ранней империи.

КАКИМ ТЫ БЫЛ В ДЕТСТВЕ? – Я БЫЛ СЧАСТЛИВЫМ...

Григорий Чигогидзе

■ Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Быть счастливым в детстве – это бесценный дар, ведь оно и формирует личность, а детские опыт и впечатления остаются с нами на протяжении всей жизни.

В Тбилиси есть место, которое играет огромную роль в детских судьбах. Это сегодняшний Дворец учащейся молодежи на проспекте Руставели. Коренные тбилисцы называют его Дворец пионеров, а местные гиды – Воронцовский дворец. То самое место, где закладываются детские воспоминания и цели на будущее.

Здесь работают самые разные кружки-студии: шахматы, рисование, танцы, иностранные языки, развитие речи, математика... И до сих пор есть легендарный «Пионер-фильм». А руководителем вот уже 63 года является Григорий Григорьевич Чигогидзе, к которому все неизменно обращаются Гриша-мас (Гриша-учитель). Он очень гордится своими учениками, ведь многие из них стали известными личностями в Тбилиси, в Грузии да и за рубежом – журналистами, сценаристами, писателями, артистами, политиками, врачами...

16 июня в студии «Пионер-фильм» на просмотр короткометражного фильма «Золотая рыбка» собрались как выпускники-главные участники картины, так и нынешние ученики студии. Фильм был снят в 1999 году, а работа над ним длилась целый год. Дети сами написали сценарий, придумали костюмы, выбрали места съемок. Родители тоже активно помогали – съемки проводились в разных местах столицы и за ее пределами.

Григорий Чигогидзе: Я очень счастлив, потому что сегодня к нам пришли Саломе и Левани. К сожалению, Анны сейчас нет в Грузии. 26 лет назад они сыграли главные роли в фильме «Золотая рыбка» по сказке А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке». В 1999 году весь мир отмечал 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина, и мы в честь юбилея решили снять фильм. Признаюсь, массовые сцены нам дались с трудом, а об остальном пусть рассказывают сами актеры.

Саломе Цхададзе («Золотая рыбка»): Гриша-мас, я хорошо помню то время, хотя мне тогда было всего 12 лет. В фильме

мы говорили на трех языках: грузинском, русском и английском. Я играла Золотую рыбку, говорящую по-английски, и была иноземным спонсором семьи рыбака. Левани на грузинском играл Старика, а Анна – злую русскоязычную старуху, которая оказалась ненасытной, требуя все больше и больше от Старика и Золотой рыбки. Мы снимали и во дворце, и на озере Лиси. Особо запомнились съемки на озере: было очень холодно, поднялся сильный ветер, волны хлестали меня... Что-то не получалось, нам пришлось делать несколько дублей. Я быстро замерзала, но, как ни странно, моя мама не была против нескольких дублей, она быстренько меня сушила, заставляла выпить горячего чая и отправляла на съемку. Я с теплотой вспоминаю те моменты, потому что, работая вместе, мы были счастливы... Я благодарна Грише-мас за все и думаю, что сегодняшний мой успех, а я работаю ведущим менеджером мероприятий, был заложен в детстве, в «Пионер-фильме», когда мы, играючи, организовывали вечера, снимали фильмы и просто были вместе.

Левани Кахишвили («Старик»): Хочу добавить, что в «Пионер-фильме» благодаря нашему учителю всегда царила креативная атмосфера. Наши короткие двух-, пятиминутные фильмы требовали много работы. Сейчас мы все смотрим рилсы в Тик-токе, Фейсбуке или Инстаграме, которые можем сделать сами прямо в мобильном телефоне. А мы, вы не поверите, снимали на киноплёнку,

Саломе Цхададзе и Левани Кахишвили

потом вручную монтировали. Во время монтажа кадры часто портились, и приходилось снимать заново. Спецэффектов не было, нам приходилось придумывать свои фишки. Надеюсь, мой герой – с усами, в кепке «аэродром» – напомнил вам Валико Мизандари, главного героя из фильма «Мимино». Старик – добрый и заботливый муж. Но с женой ему не повезло: старуха на старости лет стала сварливой и жадной, не оценила ни его стараний, ни добрую волю рыбки. Массовые сцены, где нашу старуху окружают слуги во дворце, где во время бала я пробираюсь к старухе-царице, нам помогал снимать Гия Майсурадзе. С дрожью вспоминаю тот момент, когда меня выдворяют из дворца и бросают в фонтан, потому что первые съемки проходили летом, а вторые пришлось делать в ноябре, когда вода была холодной. Зато мы с Анной, под известную тогда песню Селин Дион, сняли сцену из фильма «Титаник», где героиня Кейт Уинслет стоит на носу корабля с раскинутыми руками, а персонаж Леонардо Ди Каприо обнимает ее. Получилось очень иронично. Наверное, вы будете подсмеиваться над этими сюжетами. Вам очень повезло, техника теперь намного лучше и упростит ваш труд.

Мне очень понравился фильм – песни, фразы, сцены были такими знакомыми и напомнили о детстве. Да, некоторые моменты были не совсем понятны нашим юным зрителям, но смотрели они с интересом.

После просмотра я расспросила новых учащихся студии о том как они попали в «Пионер-фильм» и что думают делать в будущем.

Гуджа Твалабеишвили, 14 лет, президент «Пионер-фильма»: Я не сразу попал сюда. Сначала я ходил в телестудию «Инкогнито» на Первом канале. Потом узнал, что во Дворце молодежи есть разные кружки. Я решил записаться в кружок литературной журналистики и в студию «Пионер-фильм». Кружок я оставил, а здесь уже три года. 28 декабря, в Международный день кино, мы традиционно проводим выборы

президента «Пионер-фильма». Гриша-мас сказал, что даже в советское время в нашей студии выбирали президента. В этом году было три кандидата, и я выиграл. Сейчас мы готовимся к фестивалю «Тбилисури аиси» («Тбилисская заря»). На сайт фестиваля уже пришло примерно 2000 фильмов, мы отобрали около 200 из них. Участники фестиваля – молодые, младше двадцати лет. Нам было важно, чтобы участие в фестивале принимали юные кинолюбители. Скоро к работе приступит жюри, которое будет выбирать лучших из лучших. С нетерпением ждем финала! А что касается моего будущего, то я еще не решил, чем буду заниматься. Или кинематографией займусь, или математикой.

Ника Гиоргадзе, 15 лет: Гриша-мас давно дружит с моим дедушкой. Когда мне было 9 лет, он привел меня в «Пионер-фильм», а до этого давал разные задания – например, учить стихи наизусть. Мне нравится, что здесь мы смотрим самые разные фильмы и разбираем их. И я очень люблю наш фестиваль «Тбилисури аиси». На него присылают такие необычные картины из разных стран. Мы выбираем лучшие. Я уже участвовал в съемках одного фильма. А еще хожу на регби. Не думаю, что буду поступать в Театральный, наверное, на IT. Но сюда хожу с удовольствием.

Мариам Чахнашвили, 13 лет: В «Пионер-фильм» меня привела мама, она узнала о студии из Фейсбука. Меня интересует все, что связано с кино. Гриша-мас очень увлекательно рассказывает о том, как появились первые фильмы, как проходили съемки тогда и как они проходят сегодня. Он открывает нам мир кино и говорит, что нужно много читать, чтобы уметь правильно выражать мысли. Надеюсь, я стану профессиональным сценаристом.

В один прекрасный день Григорию Григорьевичу наконец удалось найти время в своем напряженном графике, и мы смогли побеседовать.

– **Батоно Гриша, а когда и как вы сами попали в «Пионер-фильм»?**

Гуджа Твалабеишвили со скульптурой работы Гиви Мизандари

Ника Гиоргадзе

Мариам Чахнашвили – будущий сценарист

– С момента основания «Пионер-фильма» и по сей день я здесь. Во Дворце пионеров был открыт кружок юных кинолюбителей, который вел Карло Кочламазашвили. Меня записали туда, когда я учился в четвертом классе. Карло учил нас запускать старые фильмы – пленочные. Для просмотра мы использовали проектор «Дебри» на 35-миллиметровой пленке, который приходилось крутить вручную. У него был огромный, как его называли, «танковый» аккумулятор... Однажды, придя во Дворец, я увидел большие железные круглые коробки и поинтересовался, что это. Мне объяснили, что это кинопленки и что здесь открывают студию. В то время директором Дворца был Шалва Берианидзе, и он пригласил из университета молодого журналиста Гулбата Абеишвили, который и возглавил студию. Думали, как ее назвать, и решили – пусть будет «Пионер-фильм». На тот момент название было впол-

Поездка в Америку

не подходящим. Но и сейчас, я имею в виду постсоветский период, мы не переименовали студию, ведь слово «пионер» имеет французские корни и в переводе означает «первопроходец». И мы были и остаемся первопроходцами. Мои ученики открывают для себя мир кино изнутри, они пишут сценарии, создают костюмы, ставят танцы, выбирают места съемок... Они творят! Благодаря им у «Пионер-фильма» есть и гимн, и флаг, и эмблема, и, конечно же, президент.

— *Расскажите о первом фильме, который получил награду.*

— В 1975 году мы сняли короткометражку под названием «Банка». Георгий Алексишвили принес три сюжета, один из них был о консервной банке. Этот фильм длится всего одну минуту. На скамейках друг напротив друга сидят мальчик и девочка. К мальчику подкатывается консервная банка, он пинает ее ногой в сторону девочки, она отправляет ее к нему обратно. Банка откатывается в сторону. Мальчик идет за ней, по пути видит цветок, срывает его и протягивает девочке. В конце дети уходят, а банка остается... И вот этот фильм мы отправили в Москву на участие во Всесоюзном кинофестивале детских любительских студий. И «Банка» получила Гран-при! Создатели фильма — Гоги Алексишвили, Лела Шенгелая, Кетеван Месхи и Леван Окроашвили.

— *Удавалось ли вам в тот пери-*

од преодолевать «железный занавес»?

— И не раз. Первая наша поездка состоялась в 1989 году. Мы поехали в Соединенные Штаты, в город Джонсон-сити. (Гришамас показывает фотографию, на которой делегация «Пионер-фильма» стоит под плакатом «საღამო ქართველებს! Georgia of the world unite!» — «Приветствуем грузин!») Посмотрите, как нас встретили!

— *Довольно неожиданно для тех лет.*

— У этой истории есть предыстория. В 1987 году в США была издана книга «A Day in the Life of the Soviet Union» («Один день из жизни Советского Союза»). Это был фотопроjekt, в котором участвовало 100 ведущих фотожурналистов со всего мира. В рамках проекта фотографы свободно ездили по всему Советскому Союзу. Целью было запечатлеть повседневную жизнь в разных уголках страны в течение одного дня. Книга содержит около 250 фотографий. К чему я это все? А к тому, что наш «Пионер-фильм» попал в эту книгу!

— *Если бы вам предложили пройти жизненный путь заново, вы бы сделали новый выбор?*

— У меня два хобби: работа на телевидении и «Пионер-фильм». Я не представляю себя без этого. На телевидение я попал в 15 лет и проработал там 65 лет. А во Дворце работаю по сегодняшний день. Одно без другого не существовало, пото-

му что на телевидении я делал свою работу, а потом мог работать с пленками «Пионер-фильма», монтировать их. Я с гордостью могу сказать, что из трех тысяч любительских киностудий только наш «Пионер-фильм» получил премию Ленинского комсомола. Во времена СССР, конечно.

— *Вы так увлечены своей работой, а как насчет личной жизни? Не пострадала ли она?*

— Меня уже считали закоренелым старым холостяком, но в 53 года я женился. В первый раз я увидел свою будущую жену в конце длинного коридора на телевидении — она не шла, а словно плыла. Я тут же решил познакомиться. Попросил друзей узнать, кто она, и пригласил к себе на вечеринку. Ее звали Нино Каладзе, она танцевала в ансамбле «Эрисиони» и к моменту нашего знакомства уже была на «пенсии», ведь профессиональные танцоры рано покидают сцену. После вечеринки я подвез ее домой и даже смог купить хлеб. Знаете, это был 1994 год, тяжелые времена, хлеб был дефицитом. Довольно быстро я сделал ей предложение — как полагается по нашим традициям, познакомился с родителями и родственниками, потом познакомил с моими. Нино младше меня на 18 лет. Чтобы моя красавица не скучала дома, я предложил ей поступать на режиссерский, и она согласилась. И с тех пор мы вместе работаем в «Пионер-фильме». И я понял, что у счастья нет ни возраста, ни границ. У нас два сына — Илья и Ника. Оба получили высшее образование, но никак не связаны ни с телевидением, ни с каким-либо видом искусства. Они часто бывают на наших мероприятиях и всегда поддерживают наши идеи. С нами вместе в студии работают Майя Ландия (она тоже выпускница «Пионер-фильма») и Вахтанг Джоджуа.

— *Вы Почетный горожанин Тбилиси...*

— Да, в 2021 году наш мэр удостоил меня этого звания. Думаю, вполне заслуженно. Вся моя жизнь и деятельность связаны с родным городом. Я жил напротив Первомайской улицы, пять лет учился в Первой гим-

назии, затем – в 47-й школе. В детстве был частым гостем консерватории, там работала моя мама. Потом поступил в Театральный. 65 лет проработал на телевидении оператором – внештатным, но быстрым и оперативным, у меня была машина, и я успевал везде и всюду. По молодости меня даже прозвали Гаврошем. До сих пор работаю в «Пионер-фильме», а еще – в опере, где я создал студию «Vel canto». Там мы записываем все оперы.

– *Сегодня большинство детей сидят в своих гаджетах. Приходят ли к вам новые ученики?*

– Нет худа без добра. Техника нам в помощь, я имею в виду мобильные устройства с камерой. Благодаря им мы даем детям такое, например, задание: выйти на улицу и сделать двухминутный ролик на телефоне без монтажа. Хочу отметить, что прошедшая пандемия и ремонт Дворца плохо повлияли на нашу работу: детей стало меньше, но, надеюсь, в сентябре ситуация улучшится.

– *Идут ли ваши нынешние выпускники в операторы, тележурналисты, режиссеры?*

– На телевидении работать сейчас очень трудно – это не всегда экономически оправдывает себя, поэтому многие наши студийцы, к сожалению, поступают на другие факультеты. Но самой важной нашей целью всегда было дать возможность детям фантазировать, развивать воображение, экспериментировать. Благодаря этому, куда бы они ни пошли, они добиваются успехов. Конечно же, нас особо радуют студийцы, работающие на разных телевизионных каналах: Нино Шубладзе, Нини Бичинашвили, Анна Джоджуа, Саломе Кенчуашвили и многие другие. Заходя в любую телестудию, я слышу: «Гриша-мас! Здравствуйте, как вы?» Я горжусь своими учениками.

– *Как вы выбираете темы для съемок фильмов?*

– Иногда дети сами придумывают, иногда я подбрасываю идеи. Вот, например, в Марнеульском районе есть село Церакви, там открыли школу для четырех детей, и наш выпускник поехал туда работать. Я предло-

жил детям поддержать нашего студийца. Поездка прошла отлично – появился фильм «Гия масцавлебели» («Учитель Гия»). А последний фильм мы сняли по идее Наны Гонгадзе о Евгении Мачавариани – известном музыковед, авторе и ведущем телепрограммы «Это эстрада». Кстати, я добился установления памятной доски на доме, где жил Женя, по адресу: Меликишвили, 13. 18 июня в музее консерватории состоялась презентация фильма. Мачавариани был прекрасным человеком, исключительным профессионалом и первопроходцем. Такой телепередачи, как «Это эстрада», не было ни в одной республике СССР. А о его знаменитом чувстве юмора говорят истории, которые рассказали друзья в фильме. Например, такая история: «Приехала очередная партийная делегация из Москвы. Везем гостей в дом-музей Сталина в Гори. Подъехали, и тут Женя объявляет: «Дом-музей Сталина имени Ленина!» Или такая: «Как-то раз ездили мы на концерт в Свердловск. Заселяемся в гостиницу. Заполняем бланки. На вопрос, с какой целью вы прибыли, Женя написал – с целью шпионажа. Его увели через 15 минут».

– *Арестовали?*

– Нет, что вы. Когда выяснили, кто он и откуда, тут же выпустили. Хочу отметить, что наша студийка Като Чачанидзе отлично поработала над этим фильмом. Очень талантливая девочка.

– *Не могу не задать традиционного вопроса о ваших планах.*

– Планирую снять фильм об оперном певце Имери Кавсадзе и дирижере Резо Такидзе. Их истории связаны, мне это кажется интересным, и детям, надеюсь, тоже понравится. Параллельно мы готовимся к XVII международному молодежному кинофестивалю «Тбилисури аиси» – «Tbilisi Sunrise», который мы начали еще в 1979 году в бытность СССР. После распада Союза мы восстановили фестиваль в 2008 году. И в этом году с 22 по 27 октября ждем всех на нашем фестивале.

P.S. К концу нашей беседы к батони Грише зашла Нана Гон-

С Наной Гонгадзе

гадзе, известная грузинская тележурналистка, проживающая в США. Конечно, я попросила ее сказать несколько слов о нашем герое.

– Я начала ходить в студию «Пионер-фильм» в 60-е годы, когда училась в 9 классе. Здесь мы не просто писали сценарии или снимали фильмы, а общались, обсуждали культуру и кино. Мы мечтали стать режиссерами, журналистами... Профессия тележурналиста – это своеобразное сочетание и кино, и журналистики, и актерского мастерства. Все это очень пригодилось мне в работе. Я рада, что Дворец до сих пор живет и что «Пионер-фильм» продолжает работать с детьми. Не буду хвалить Гришу – он в этом не нуждается, его и так все знают, но скажу, что он отлично ладит с ребятами. У него есть чувство юмора, он знает, как аккуратно указать на ошибку, и именно это привлекает детей. Им нравится, когда к ним прислушиваются и помогают реализовать их идеи. Надеюсь, это делает их счастливыми!

АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН И ЕГО ЛОДКА. НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Мое знакомство с художником, сценаристом, режиссером, актером Александром Адабашьяном состоялось благодаря кинофестивалю «Евразия-кинофест», сразу после показа конкурсной картины «Двое в одной жизни, не считая собаки» (реж. А. Зайцев), в которой он блистательно сыграл обаятельного питерского интеллигента. Работа Александра Артемовича в этом фильме была отмечена на кинофоруме призом за лучшую мужскую роль. В августе он отмечает свое 80-летие. «РК» сердечно поздравляет Александра Адабашьяна с юбилеем и предлагает интервью с мастером, обладающим оригинальным, парадоксальным мышлением.

— В Библии сказано: «Кому много дано — с того много и спросится». Вы человек разносторонне одаренный, прямо как художник эпохи Возрождения. У вас есть ощущение особой ответственности?

— Нет, абсолютно. Во-первых, я себя так высоко не ставлю. О

Возрождению слушать приятно, но нужно иметь о себе реальное представление. Я человек средних способностей. Достаточно ленив. Как говорил многократно цитируемый мной Лев Толстой: «Что такое гений? Графоман со способностями». А вот графоманства мне как раз и не хва-

тает — неумной жажды писать, действовать. Если бы сейчас разбогатели мои дочери и внуки и я перешел на их содержание, то ничего не делал бы. Разве что пописывал бы, порисовывал что-нибудь для себя, никакой активной работой не занимался бы.

— Потому что ощущаете усталость или по какой-нибудь другой причине?

— Во-первых, мне не нравится то, что происходит сегодня в кино, и не только у нас. Для меня кино совершенно поменяло свою конструкцию. Я всегда говорил, что это коллективное дело. Цитирую другого классика: «Один — даже если очень важный — не подымет простое пятивершковое бревно, тем более дом пятиэтажный». В кино должна быть команда. Если она по естественным причинам распадается или возникает новая, но она какая-то уходящая-приходящая: один оператор, другой оператор, один режиссер, другой режиссер, то ничего хорошего ждать не приходится. Последние детские картины мы делаем вместе с режиссером Аней Чернаковой. Это другой способ работы, и, к сожалению, уже нет ощущения команды. А в кино командная игра обязательна. Вообще все творческие профессии в кино нивелируются, размываются. Сколько плохих фильмов, сделанных по хорошим сценариям! Сколько хороших режиссеров снимают дрянь! Это потому, что кино перестало быть штучным и коллективным предприятием.

— И все-таки, что можете сказать о последних сильных впечатлениях из увиденного на сцене и экране, из прочитанного? Что можете оценить достаточно высоко?

— Очень мало смотрю, очень мало читаю. Любимые писатели — Толстой, Чехов, Куприн, Тэффи, отдельные вещи Мопассана, Флобера. На остаток жизни мне хватает Толстого и Чехова читать и перечитывать. Сейчас у меня все время на столе Чехов, Толстой. «Войну и мир» я вообще перечитываю каждые два-три года от начала и до конца, с первой до последней страницы. Назначаю себе время — дня три-четыре, когда могу спокойно этим заниматься. Тэффи тоже перечитываю с удовольствием.

А также русского и французского живописца, графика, писателя, критика, автора мемуаров Юрия Анненкова — об эмиграции, все эти трагические истории. Зачитываюсь японцами.

— А из современной литературы?

— Жена все время приносит что-то новое — то, что хвалят, о чем все говорят. Дочитываю роман до 860-й страницы, а там еще 400 впереди. Потихоньку откладываю, через какое-то время опять начинаю читать и понимаю: забыл, что было раньше, путаюсь в именах и событиях, и Бог с ним. Так что постепенно все отфильтровалось... Что касается кино и театра. Не могу сказать, что недавно испытал какое-то театральное или киношное потрясение. Или даже просто удовольствие.

— Персонаж, которого вы сыграли в фильме «Двое в одной жизни», близок вам?

— Далеко не во всем. У него есть странные черты, мне не присущие. Например, мой герой рисует в электричке, увлекается хокку.

— Для вас это слишком экцентрично?

— Да. Меня всегда в принципе интересовало японское искусство, но это другое мировоззрение. Вообще все другое — другие отношения с пространством, со временем. Так исторически сложилось. Это касается и Китая. Они не мыслят категориями 20-30 лет. У них — столетия... Несмотря на то, что продолжительность жизни у японцев почти такая же, как везде, все равно они умудряются перекидываться тысячами лет. Этого нам не понять. Нужно родиться в этой культуре. Японцы не любят быстрых перемен и вообще в них не верят.

— А как вы сами относитесь к переменам?

— В моей жизни хватало перемен. Хотя мне повезло — родился в 1945 году, так что войны не застал. Послевоенное время я хорошо помню: тогда накопившаяся агрессия находила другие выходы, или, возможно, ее было просто меньше в процентном отношении. В моем детстве мы жили около стадиона «Динамо», и я помню, что болели только «за», а не «против». Никогда не было стычек между болельщиками, сидели через одного: ЦСКА,

На съемочной площадке с Андреем Поповым, Никитой Михалковым и Александром Калягиным

«Динамо», «Спартак». Подкалывали соперников, если явно проигрывала какая-то команда. А противники подкалывали болельщиков другой. Но все это было беззлобно, не было нынешней агрессии.

— Сейчас — ярость.

— Да! Футбольные болельщики — страшная сила, как все это заметили по «цветным революциям». Одной из движущих сил всегда были именно футбольные болельщики. Агрессию, которая была локализована на футбольной команде, направили в другую сторону. То, что стало происходить начиная с 70-х и в более поздние годы, я считаю эпидемией насилия. Что-то вроде пандемии. Эпидемия насилия взялась неизвестно откуда, можно лишь думать и гадать. И куда и когда исчезнет, тоже непонятно. Но когда-нибудь она рассеется. А для этого должно пройти время. Та же самая пандемия ковида должна была пройти пик.

— А пик эпидемии насилия не пройден?

— Пандемии болезни — да, а пандемии насилия — еще нет. Смысл под то, что происходит в мире, обычно подкладывается позже. Как во всех войнах. Вот убили эрцгерцога Франца Фердинанда, и началась Первая мировая война. Там какой-то плохой приказ подписали, там один король оскорбил другого, там кому-то не хватало пахотных земель. Этого было достаточно, чтобы все раздувалось до бессмысленных, жестоких последствий. Так что все действительно развивается

Кадр из фильма «Несколько дней из жизни Обломова»

по законам пандемии, а потом под это подкладывается исторический смысл. Часто его подменяют. Известно, что последняя часть, которая защищала ставку Гитлера, — французская дивизия «Шарлемань». Потом быстренько стали говорить о том, что все французы до единого были в Сопротивлении. Когда я работал во Франции, меня очень веселили рассказы о тяготах французской жизни в годы Второй мировой войны. Жан Кокто и Жан Маре поставили какой-то спектакль, французы его запретили, тогда они пожаловались немцам, и немцы дали разрешение. Тем не менее «тяготы и лишения» у них были... Несчастливым проституткам брили головы и вносили их по городу. Это из-за них Франция сопротивлялась... восемь дней.

— Можно ли изменить человеческую природу и нужно ли это делать?

— Нет, думаю, изменить ее нельзя, и даже пытаться не надо. Агрессию можно направлять в

Со Светланой Крючковой

нужную сторону — технологии уже испытаны на многих и на многом. Агрессию можно чем-то сдобрить — сакральными жертвами или чем-нибудь еще, но в принципе она не меняется. Все равно есть определенное количество первобытных инстинктов, которые всем двигают. И многое зависит от того, как их правильно направить, кого обвинить в том, что вам плохо, чем объяснить, что вам стало лучше, кого благодарить, кого, наоборот, распять. Это все вопросы власти. Читайте итальянского мыслителя, философа Никколо Макиавелли. С тех самых пор данными вопросами серьезно занимаются люди, изучающие технику и технологию власти.

— *Какое решение в жизни вам удалось наиболее трудно?*

— Никаких глобальных решений я не принимал, слава тебе Господи. Везло в жизни в этом смысле. Я долго не понимал выражения «кризис среднего возраста». Хотя даже фильмы были на эту тему сделаны. Понял уже позже — встречаясь, заново знакомясь с бывшими одноклассниками. С теми, кто не попал в свою колею, не нашел свое место. Я очень рано понял, чем хочу заниматься, и очень рано попал в круг близких мне людей. Поступил туда, куда хотел, — в Строгановское училище. Не с первого раза, лучше подготовился и поступил со второго. Потом со второго курса ушел в армию на три года, потому что у нас не было воен-

ной кафедры. В Москве можно было, конечно, подсуетиться и служить в столице, пристроиться в Центральный театр Советской армии или в штаб. Но я решил для себя, что если уж попал в армию, то нужно все посмотреть, а не болтаться как цветок в проруби — ни в армии, ни на гражданке. Служил три года в Перми, на Урале. Немного лучше узнал мир и людей, самых разных, со всей страны. Вернулся и продолжил обучение. А потом началась моя история с кино. Оказалось, что это совершенно мое место. По мне, имею в виду. Не потому, что я для этого единственный годящийся и неповторимый. В детстве, в уже более или менее разумном возрасте, мне очень хотелось стать цирковым клоуном. Если бы произошел другой случайный поворот в моей жизни, это точно было бы мое место. Мои способности там очень хорошо соединились бы. Ведь в цирке и юмор, и драма, и умение рисовать, что-то делать руками... В кино все это оказалось тоже идеально на месте.

— *В 14 лет вы познакомились с вашим будущим другом Никитой Михалковым. Как это случилось?*

— Ну, просто компания была детская. Мой одноклассник и близкий друг, он погиб совсем недавно, с Никитой дружил. Была у них такая дачная компания, жили в одном месте на даче. Потом продолжали общаться, хоть времена и поменялись. Как-то я вместе с моим товарищем в этой компании и оказался. Там были и Володя Грамматиков, и Ваня Дыховичный...

— *И все были ровесники?*

— Да, один-два года разницы разве что. В нашей компании были и девчонки. Из кого-то вышло что-то заметное, а кто-то так и остался в этом кризисе среднего возраста, не состоявшись, не нашедши себя. Кого-то родители пихали и запихнули не туда. Как это часто бывает, к сожалению. У меня этого не случилось. Папа мой был инженером с техническим образованием, начинал монтажником, потом стал специалистом по черной металлургии, во время войны большей частью занимался срочной эвакуацией заводов на Урал. О войне мало что любил расска-

зывать, но из рассказов отца и его друзей помню, что станки сгружали с поездов, ставили на кое-как приспособленный фундамент и, еще не имея крыши и стен, уже запускали производство. Нужно было выпускать военную продукцию. Потом папа стал большим чиновником в той же технической сфере. Поэтому он очень скептически отнесся к моим художественным склонностям, но никакого давления не было. Отец понимал, что я к техническим специальностям не приспособлен, и, мягко говоря, сожалел об этом. Но такого не было: не пойдешь туда, потому что это не профессия — художник, кино. Все органично произошло.

— *Какое кино вы смотрели в детстве, юности?*

— То, что смотрели в ранние годы, больше всего и повлияло. В первую очередь, советские фильмы — классика, такая, как «Летят журавли» Михаила Калатозова. Очень многие на этой картине сдвинулись — в хорошую сторону. А иностранного кино было мало. Смотрели фильмы Федерико Феллини, Георгия Данелия. Нравился итальянский неореализм, французская новая волна. До сих пор это для меня осталось... Американского кино тогда еще не было — разве что трофейное.

— *Можете вспомнить свой первый киноопыт, оценить его?*

— Это связано с Никитой Михалковым. Он сначала поступил в Щукинское училище, потом его оттуда поперли за участие в киносъемках, потому что студентам театральных вузов запрещалось сниматься в кино, и приходилось изворачиваться. Никита снимался по ночам, в каникулярное время, потом это становилось известно. За это и Василия Ланового выгоняли. Смешно, что выгоняли за Павку Корчагина! Поэтому его удалось отмазать — именно благодаря этой роли. А Михалков перешел во ВГИК и позвал меня в свою учебную работу. Я просто присутствовал на съемках и получил первое представление о кино. А в дипломной работе Михалкова «Спокойный день в конце войны» я принял участие как декоратор, правда, уже имея приличное художественное об-

разование. Из чего сделал вывод, что научить нельзя, можно только научиться, будучи подмастерьем при хорошем мастере. С этого момента все и закладывается.

— И кто был ваш мастер?

— Была такая художница — Ирина Викторовна Шретер, внучка Михаила Нестерова. К этому времени у нее, крепкого профессионала, было огромное количество картин. Я ничего не понимал и всему учился практическим путем. Ирина Викторовна терпела мои накладки, но за счет молодости и энтузиазма все это покрывалось. На то, что можно было сделать за десять минут, я тратил два дня, переделывал, поправлял, но с большим энтузиазмом в конце концов к какому-то результату приходил. Ну, и потом какие-то другие профессии появлялись по ходу дела. Когда Никита на один год ушел служить на флот, мы с оператором Павлом Лебешевым сняли фильм — я был его ассистентом, хотя не имел к этому никакого отношения и научился в процессе работы, стал разбираться и в этой профессии. Потом еще было «Молчание доктора Ивенса» — картина с трагической судьбой. Она задумывалась совсем другой, вся фантастическая часть вылетела. Тем не менее на площадке я проторчал, пособлял по собственной инициативе художнику Леониду Перцеву — было любопытно, что делает художник по костюмам. Приходилось все своими руками пробовать, поэтому, когда создавался фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих», я уже был в профессии, во всяком случае — в ремесле.

— Получается, многое определяют интерес и равнодушие, а не только способности?

— Любопытство, которое было удовлетворено. Можно ткнуть куда-то из любопытства и понять, что это не твое. А у меня было желание продолжать. Тогда же, когда Никита плавал в океане, его брат Андрей писал какой-то заказной сценарий для Средней Азии, писал один. В какой-то момент что-то у Кончаловского не очень шло, и ему нужен был спарринг-партнер. Как в теннисе — человек, который мячики подбрасывает. Андрей позвал меня

на такую должность. До этого я и понятия не имел, как пишутся сценарии и что это такое. Но в процессе практической деятельности мы с ним что-то обсуждали, с детства я очень много читал...

— Что именно?

— Много чего, но я так и не прочел «Трех мушкетеров», например, как-то не легли они. Аркадий Гайдар у меня был, я читал запоем Чехова, особенно раннего. Единственное, что я прочитал из Дюма — «Граф Монте-Кристо». Но где-то на середине я очень-очень затосковал. Человек, который вырвался из этого ужаса, получил невероятное богатство, власть, и как он этим пользуется? Монте-Кристо потратил остаток жизни на изощренную месть. Расходо­вал бешеные деньги, время. И все для того, чтобы изощренно отомстить. И на это угрожать свою жизнь? Чего в итоге он достиг? Ничего! Кучу народу разорил, уничтожил. И в этом было его удовлетворение? Нужно было использовать то, что ему в компенсацию судьба послала — власть, независимость, богатство — и делать все, что хочет. Но, оказывается, все, чего он хотел — отомстить. Сразу все померкло в моих глазах. Совершенно крамольные у меня были мысли, когда я читал «Дон-Кихота». Помню, я его даже не дочитал. До сих пор не понимаю многого. Допустим, в нынешней реальности вдруг проскачет человек в буденовке. С саблей, на коне. Или Александр Невский в латах. И будет призывать к другой жизни — честной, рыцарской, благородной. Мне он будет смешон с самого начала. Все, что связано с его благородством и романтизмом, — анекдот. Так я до сих пор и считаю, хотя вслух это выражать нельзя. Так называемое донкихотство, благородство — это скакать с палкой против ветряных мельниц? Ради чего? Просто забавная глупость. Вреда, слава Богу, Дон-Кихот никому не причинил. Разве что себе. Но что же в его поступках такого потрясающе благородного?

— В какой киноистории вы чувствуете себя наиболее комфортно?

— Во всех перечисленных. Я знаю, что могу и чего не могу.

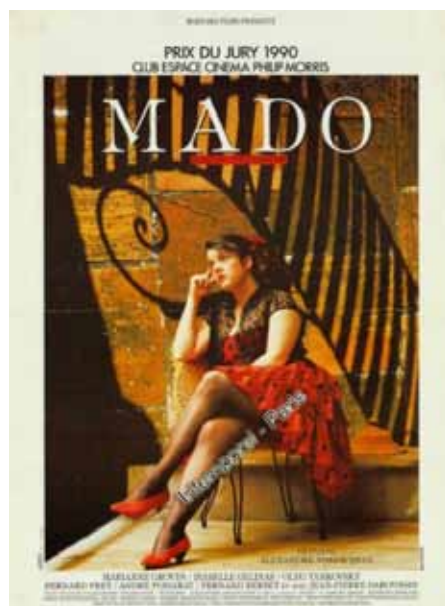
Ни в одной из них я не чувствую себя безгранично талантливым, чтобы за все хвататься и думать: мне все по плечу! Я понимаю, что это смогу, а это — нет. Определенных пределов я достигаю.

— Но выяснилось, что нет пределов.

— Почему? Пределы есть. Я не стал бы играть многие роли. Иногда отказываюсь, когда понимаю, что не потяну, что это не мой диапазон. Не стал бы делать картину масштаба «Войны и мира» Бондарчука или «Освобождения» Озерова. Не мой масштаб — я поменьше. Как Антон Павлович Чехов, который романов не писал. Ни одного не написал, хотя потуги были. Чехов понимал, что он все-таки спринтер.

— Вы назвали Чехова самым жестоким из русских писателей.

— У очень многих это вызывает изумление. Да, я считаю его очень жестким и жестоким. Как другие в свое время считали и до сих пор считают, что чеховские три сестры — это милые, милые барышни, погибающие в провинции. Говорят: «Нужно работать, работать!», но все это переползая с дивана на диван. Я понимаю, откуда идет традиция милых барышень. Когда в театр приходил интеллигентный драматург с прекрасными манерами Антон Павлович Чехов и приносил свой драматургический опус, то, взяв у него эту пьесу такими же холеными ручками, естественно, пытались в подобном ключе и ставить. Вер-

С дочерью Александрой

шинина играл красавец Станиславский, произносивший чудные монологи о будущем. А поступки при этом... Приехал и завел роман с замужней дамой, причем у нее дома. Правда, свидания то и дело прерываются – приносят записки, что жена Вершинина опять отравилась. Потом полк уходит, он прощается с Машей, опозоренной на весь город – ведь все об этом романе знают, муж в том числе... Вот это все не читается, а играется только – милые, прекрасные сестры. А ведь это 1904-й – год кончины Чехова. Если бы он немного еще прожил, то увидел бы то, на что намекал в своих пьесах. Вы же своими руками все это делаете! Вы все вылетите, потому что никому не нужны. Да, вы были чудные, прекрасные, но из вас ничего не вырастет. Вы обречены! И все это происходит у вас на глазах. Как можно продать вишневый сад? О нем даже в энциклопедии упоминается. Привыкли читать не так, как написано. Вся драматургия Чехова, рассказы самые маленькие – это колокольный звон. Писатель не дает советов, что надо сделать. Здесь нет публицистики. Чехова сложно воспринимали современники. Отношение к нему было очень неоднозначное. Это сейчас кажется, что его все на руках носи-

ли. Ничего подобного. И врагов у него хватало, которые отлично понимали, о чем он пишет.

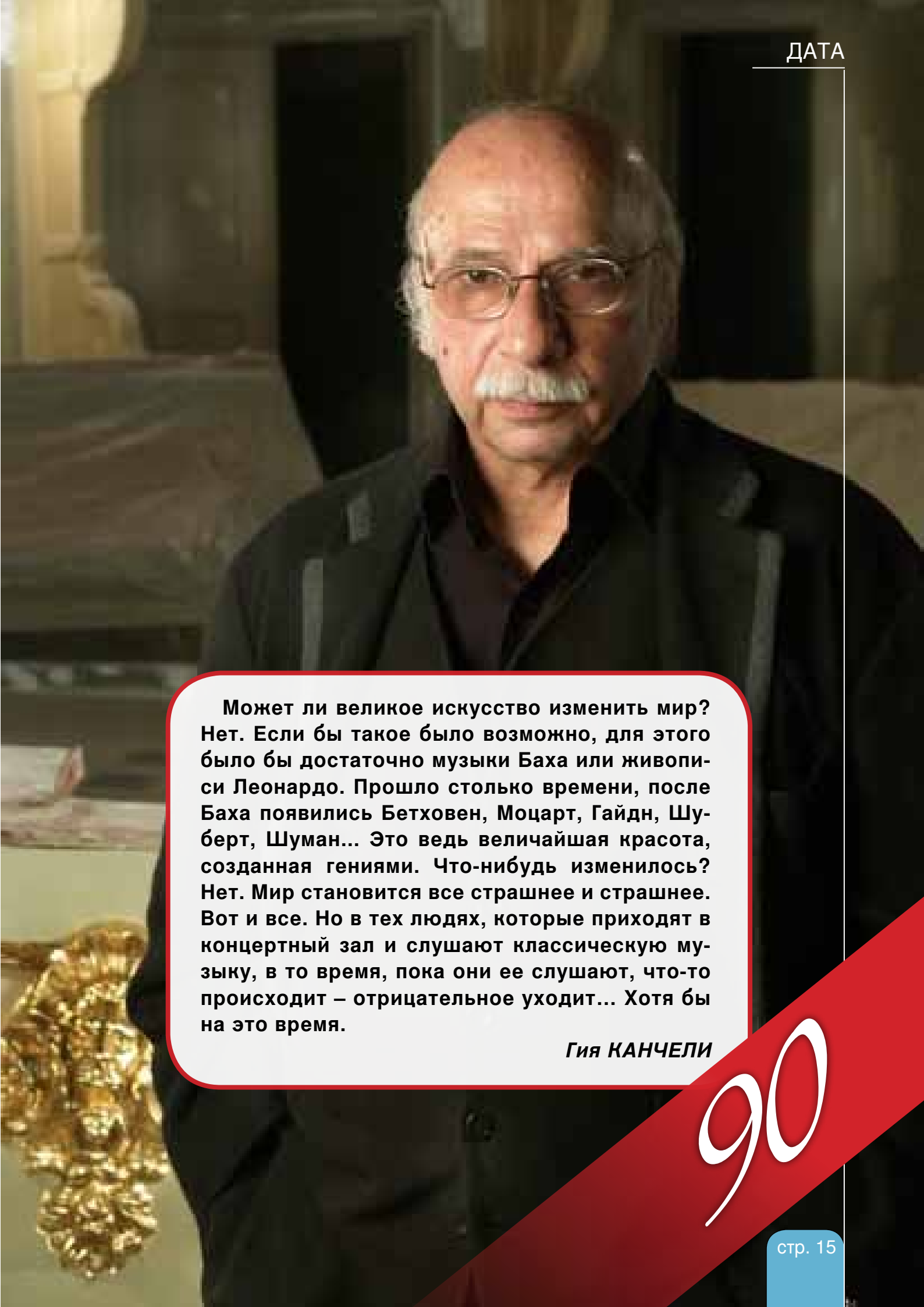
– Среди любимых писателей вы не назвали Гончарова, будучи одним из авторов сценария киношедевра «Несколько дней из жизни Обломова».

– Фильм появился благодаря Олегу Табакову. Обломовского в нем было много, но и Штольцевского тоже. Все это потом сконцентрировалось в коте Матроскине. Табаков давно нацеливался на роль Обломова. В то время на радио делались фондовые записи. Они тщательно записывались, хорошими режиссерами, на хорошей аппаратуре. И Табаков прочитал «Сон Обломова» – это отдельная большая глава в романе. В одно и то же время большие начальники слушали табакоевское чтение по радио. Поэтому Олег Павлович полагал, что после такой мощной акустической подготовки он будет пытаться найти деньги на экранизацию гончаровской истории, потому что в то время классику полагалось делать молодым. Так вот, Иван Гончаров оказался талантливее своего ума. Публицистическая задача, которую писатель перед собой поставил, – размазать обломовщину как тупиковый путь развития истории русских интеллектуалов и выразить нетерпеливое желание того, чтобы сто тысяч Штольцев наконец обрушились на Россию и она расцвела. При этом Гончаров с такой нежностью описывает то, что касается Обломова, особенно в «Сне Обломова», когда рассказывает о его детстве. Сколько там любви, нежной иронии по отношению к герою. И в финале – идиллия Штольца с Ольгой, на которую у писателя не нашлось больше двух страничек общих мест. Они так хорошо понимали друг друга, им хорошо было вместе – расхожие слова, которые можно сказать о ком угодно. Стало понятно, насколько близок Гончарову на самом деле Обломов и насколько далек от него Штолец. Об этом и снималась картина. Писали мы этот сценарий вместе с Никитой Михалковым, обоим было понятно, о чем мы собираемся рассказывать. Все было ясно и актерам – Табакову, Еле-

не Соловей и Юрию Богатыреву. Когда картина вышла, нам несколько раз вслед прокричали: а как же Владимир Ильич, обличавший обломовщину? Конечно, ничего хорошего нет в том, что Обломов просвистал свой капитал. Но мы никогда об этом не говорили. Мы говорили о человеческих качествах, которые впоследствии были потеряны.

– Вам принадлежит также экранизация французского романа Симоны Арес «Мадо», ставшая вашим режиссерским дебютом.

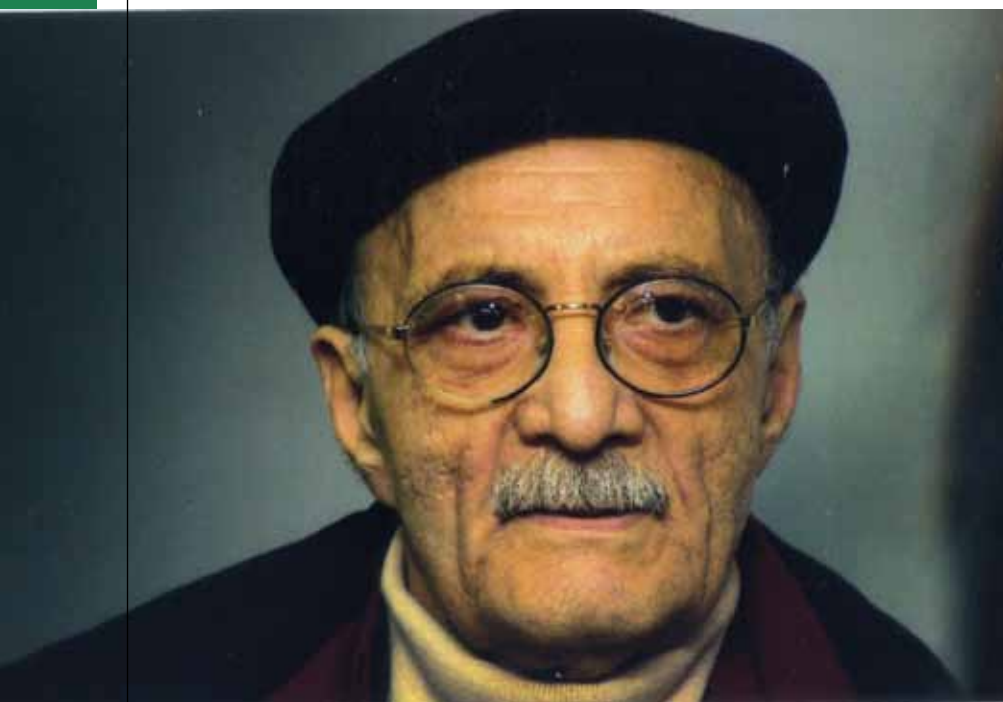
– Это монолог девицы-почтальонши по имени Мадлен. Когда я за это брался, то понял, что можно взять только фабулу. Ни сюжета, ни событий... Попользоваться было нечем. Мое знание французского было, мягко говоря, весьма относительно. Это была авантюра – снять свой дебютный фильм в чужой стране, на чужом языке, на чужом материале. Возненавидела меня автор этого романа. Написала в гнев альтернативный сценарий, который оказался значительно хуже моего. Когда картина вышла, она попала на Каннский международный кинофестиваль и получила специальный приз «Перспективы французского кино», а на другом фестивале была отмечена за лучший сценарий. После этого выяснилось, что Симон Арес меня все это время нежно любила, но скрывала свои истинные чувства. Я никак не ответил на них... Мадо сыграла потрясающая актриса Марион Гровс, хотя звезд в фильме не было. Мои актеры были театральные, и появилась возможность репетировать театральным способом. Когда они пришли на первую репетицию, то все знали текст: французские актеры очень дисциплинированные. Расселись, собрались читать. А я предложил поговорить о том, о чем мы собираемся снимать картину. Для них это оказалось полной неожиданностью – так у них не принято. Я задавал актерам вопросы, и это вызвало такие восторги, что они стали придумывать сцены, которых в сценарии не было. На мои репетиции стали приходить актеры, не занятые в картине. Так что творческий процесс значительно увеселил результат...

A portrait of Giga Kancheli, an elderly man with white hair, a mustache, and glasses, wearing a dark jacket. He is standing in front of a stone wall with arches. A red diagonal banner is at the bottom right, and a white text box is in the lower left.

Может ли великое искусство изменить мир? Нет. Если бы такое было возможно, для этого было бы достаточно музыки Баха или живописи Леонардо. Прошло столько времени, после Баха появились Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шуберт, Шуман... Это ведь величайшая красота, созданная гениями. Что-нибудь изменилось? Нет. Мир становится все страшнее и страшнее. Вот и все. Но в тех людях, которые приходят в концертный зал и слушают классическую музыку, в то время, пока они ее слушают, что-то происходит – отрицательное уходит... Хотя бы на это время.

Гия КАНЧЕЛИ

90

Георгий Данелия. Тбилиси, 2007.
Фото Ю. Мечитова

ДОБРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

■ Нодар НИКУРАДЗЕ

Выдающемуся кинорежиссеру, сценаристу, мемуаристу Георгию Данелия в августе этого года исполнилось бы 95 лет.

Программным произведением Георгия Николаевича стала лирическая комедия «Я шагаю по Москве», признанная культурным событием хрущевской оттепели. И само название жанра предложено именно им — действительно, его лирические комедии «Не горюй!», «Афоня», «Мимино», «Осенний марафон», «Паспорт» и другие отличаются какой-то особой мягкостью и удивительной эмоциональной тонкостью.

В свое время я регулярно посещал книжный магазин «Москва» на Тверской. И вот однажды, среди новых поступлений, увидел книгу Данелия «Тостуемый пьет до дна». В предисловии автор в шутку отмечает, что если кто-то не читал первую книгу — «Безбилетный пассажир», то можно и не читать, поскольку все ее содержание он может изложить коротко. Что Данелия и делает — в одном абзаце: «Родился я в Тбилиси. Через год

меня привезли в Москву, где и живу по сей день. Отец работал в Метрострое, а мать на «Мосфильме». В детстве в Грузию ездил каждое лето, к своей тетушке Верико Анджапаридзе. Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. На вопрос мамы, почему во ВГИК, ответил: «А куда его, дурака, еще девать?» Во ВГИК я не пошел. Я закончил архитектурный, потом режиссерские курсы при «Мосфильме» и стал кинорежиссером. Вот и все». Лаконичная и вместе с тем весьма информативная автобиография.

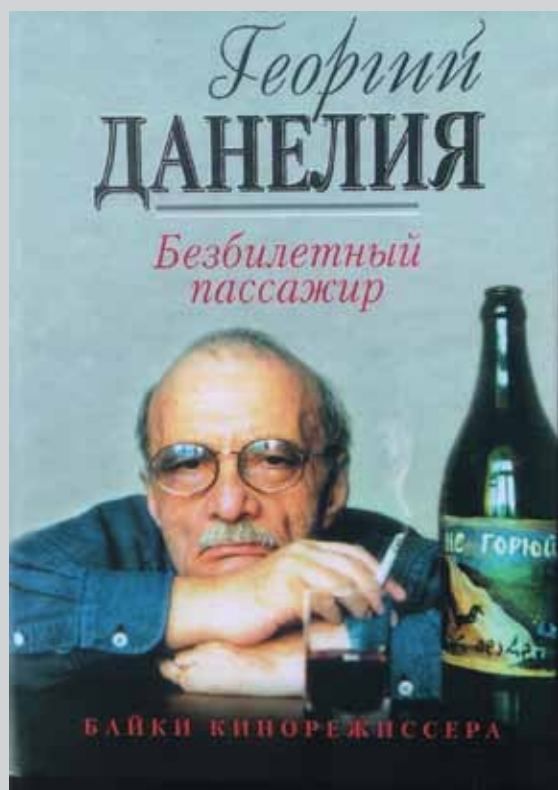
Я начал листать книгу. Сердце предчувствовало, что среди множества фотографий должно быть и то фото Данелия и композитора Канчели, которое я снял в нашем ресторане «Кура». Скоро я нашел снимок двух живых классиков (именно так я к ним и обратился, когда фотографировал), но, увы, сделанный в другом ресторане и, естественно, не мной. Справедливости ради следует отметить, что фото очень удачное — оно в полной

мере передает теплоту отношений старых друзей.

И все-таки предчувствие меня не подвело. В середине книги я увидел фотографию Данелия с журналистом и фотохудожником Юрием Ростом, которую я снял в январе 2003 года. Я сразу возомнил себя причастным к этой книге, и она стала для меня, можно сказать, родной.

В своем фильме «Мимино» Данелия так достоверно сыграл эпизодическую роль строгого, неприступного командира экипажа, что мне казалось, он и в жизни такой же — педантичный, надменный «сухарь». И только после знакомства с ним понял, какой он добрый, деликатнейший человек. Кстати, такого же мнения и наш легендарный фотохудожник Юрий Мечитов, который часто общался с Георгием Николаевичем во время его приездов в Тбилиси.

А что касается «Куры»... В начале 2002 года несколько хлебосольных врачей, выходцев из Грузии, решили открыть ресторан, как говорится, для себя и для друзей. С помещением помог Евгений Максимович Примаков — это был цокольный этаж Делового центра Торгово-промышленной палаты на Чистопрудном бульваре. Он

же дал и название ресторану – «Кура». Там, неожиданно для себя, я, кандидат наук и действующий ученый, стал директором. Пусть читатель не удивляется – те времена были тяжелыми для ученых.

В один из воскресных дней главный кардиолог Москвы, профессор Давид Иоселиани, пригласил своих друзей на хаши в «Куру». Как это иногда бывало, друзья не торопились расходиться, и утренний хаши плавно перешел в застолье с хинкали и шашлыками. Среди гостей был и Георгий Данелия. Под конец он подошел ко мне и спросил:

– Вы хотите, чтобы я к вам ходил? – И, увидев недоумение на моем лице, продолжил: – Я не хожу в грузинские рестораны, потому что с меня денег не берут.

– Хорошо, Георгий Николаевич, тогда мы вам дадим скидку – 50 процентов. Такая же и у директора ресторана.

– Нет. 20 процентов. Мне у вас понравилось, да и живу я рядом.

Я понял, что торг здесь не уместен, и мне, конечно, пришлось согласиться.

После этого мы встречались регулярно. Он приходил со своими коллегами по кинематографическому цеху, а когда из Антверпена приезжал Гия Канчели – они обедали у нас каждый день. Георгий Николаевич часто заказывал еду на дом, в основном мчади и овечий сыр «гуда». Я всегда посылал больше, чем он заказывал, и однажды Данелия посетовал:

– Нодар, почему вы так много присылаете? Кроме меня, из домашних это никто не ест.

– Что поделать, так воспитан. Как говорила моя мама, если при раздаче блюд гость говорит «достаточно», то надо добавить еще пару ложек.

Данелия улыбнулся и махнул рукой, поняв, что говорить со мной на эту тему бесполезно.

Осенью 2002 года я получил из Санкт-Петербурга сигнальные экземпляры книги стихов моих друзей Александра Зюзикова и Вениамина Стороженко. Я попросил Сашу первым делом сделать дарственную надпись для Георгия Николаевича. Когда я ему ее преподнес, он поблагодарил и сказал:

– Скоро и я вам подарю свою книгу воспоминаний. Я ее уже передал в издательство. Называется «Безбилетный пассажир». Завершаю ее словами: «Конец первой серии».

– Это обязывает вас к продолжению. Давайте презентацию сделаем у нас, – предложил я.

– Этим вопросом занимается издательство, не хочу вмешиваться. К тому же приглашенных будет человек двести, в вашем ресторане столько не поместится.

В начале 2003 года книга вышла в продажу и моментально разошлась. У Георгия Нико-

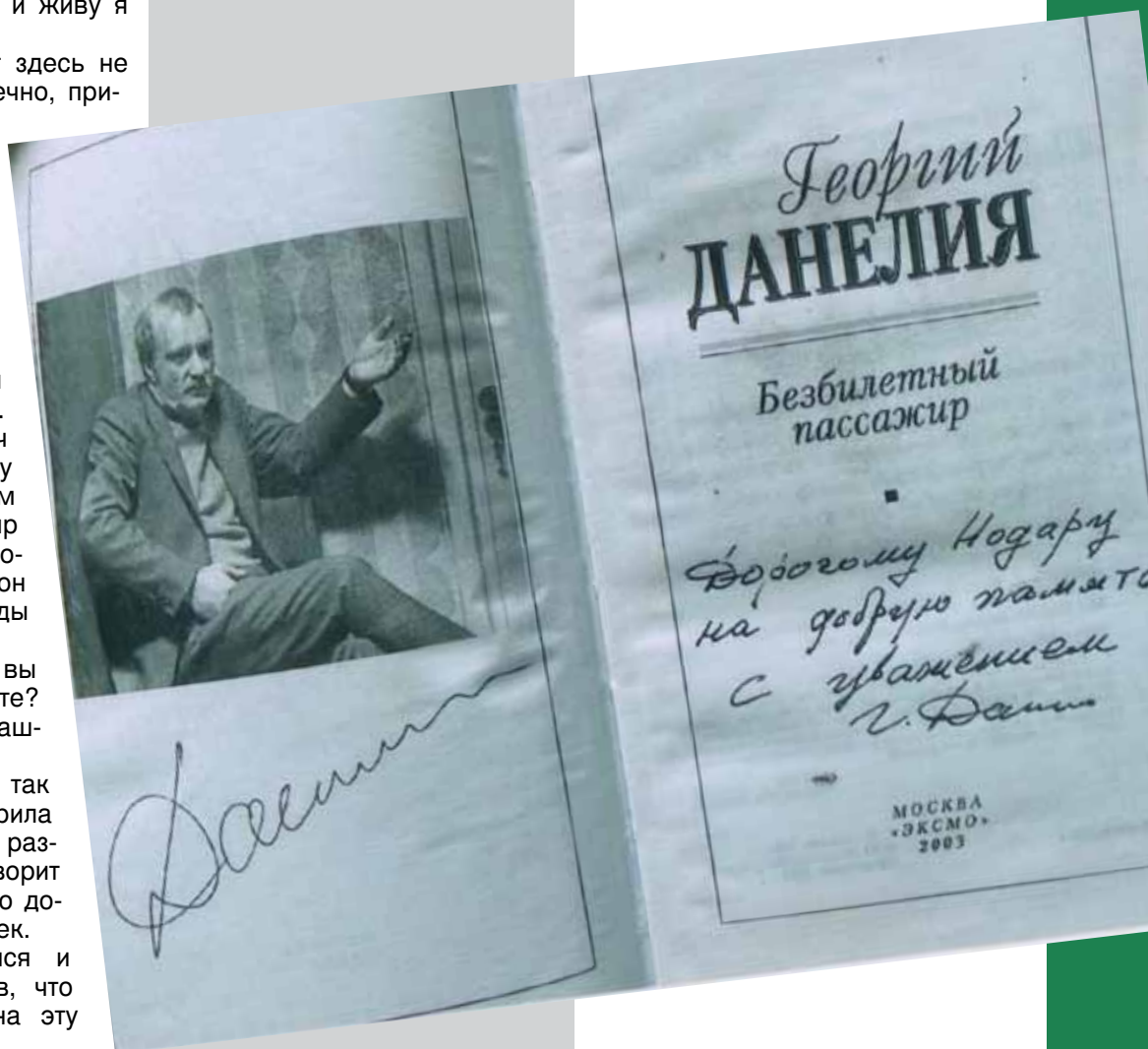
лаевича их тоже не осталось, и он сказал, что дарит мне последний экземпляр. Из этой книги я узнал, что, оказывается, он окончил архитектурный институт и, как все архитекторы, прекрасно рисует. Его оригинальные рисунки были представлены и на страницах, и на форзаце.

Я много чего не умею, но больше всего сожалею только о том, что не умею рисовать. Поэтому ко всем, кто это делает хорошо, отношусь с огромным уважением, а если откровенно – только этому и завидую.

При следующей нашей встрече я сказал:

– Георгий Николаевич, мне очень понравились ваши рисунки. У меня небольшая коллекция картин, и я буду счастлив, если вы мне что-нибудь набросаете.

– Нодар, я после Коли не рисую, – сказал он с грустью, – но для вас выберу что-нибудь из старых рисунков.

С Нодаром Никурадзе. Москва, ресторан «Кура». 2002

зовались спросом, особенно у иностранцев. Я разыскал Игоря и привлек к оформлению книги. В общем, издание получилось достойным, это отмечают абсолютно все. Очень понравилась наша книга и Георгию Николаевичу. Он как-то позвонил мне и подробно расспросил, где и как ее издавали, и потом сказал, что хочет опубликовать Колины стихи. Его сын, талантливый поэт и художник, ушел из жизни в 26 лет. Это произошло в 1985 году.

И в горе, и в радости с Георгием Николаевичем всегда были его старые друзья. Среди них хочу особо выделить Евгения Максимовича Примакова – необыкновенного человека, истинного тбилисца, крупного политика, с мнением которого считались первые лица государства.

Однажды, когда Примаков с однокурсниками отмечал в нашем ресторане дату окончания Московского института востоко-

На следующий день Георгий Николаевич прислал мне свою работу – необычный сюрреалистический портрет молодого человека. Я не стал откладывать и тут же поехал в мастерскую, где подобрал паспарту и багет. Рисунок стал смотреться еще интереснее. Сейчас эта работа висит в моем доме рядом с рисунком Эрнста Неизвестного.

Должен отметить, что сделать правильный выбор при оформлении картин не так просто, как кажется – тем более при том широком ассортименте материалов, который есть сейчас. Приходится тратить немало времени, рассматривая различные сочетания, и принять окончательное решение всегда сложно. Угадал или нет, понимаешь, когда работа уже оформлена.

То же относится и к изданию книги. Мы с Александром Зюзиковым пересмотрели множество вариантов обложки, бумаги, форзаца, ляссе, гарнитуры. Много работали с художником Игорем Пучниным. Мне понравились его гравюры, выставленные в книжном магазине в начале Невского проспекта. Они были выполнены в стиле старых географических карт Санкт-Петербурга и поль-

Работа Георгия Данелия, подаренная им Нодару Никурадзе

С Сергеем Параджановым. Тбилиси. 1979. Фото Ю. Мечитова

ведения, я ему сказал:

– Евгений Максимович, а мы с вами окончили одну и ту же школу – тбилисскую 20-ю среднюю.

– Нет, я окончил 14-ю мужскую среднюю школу.

– Но когда вы стали премьер-министром, по телевизору была передача о вас, и там показали именно нашу школу. Она на углу улиц Ниношвили и Клдидашвили.

– Нет, моя была на пересечении Александровской и Милютинской улиц.

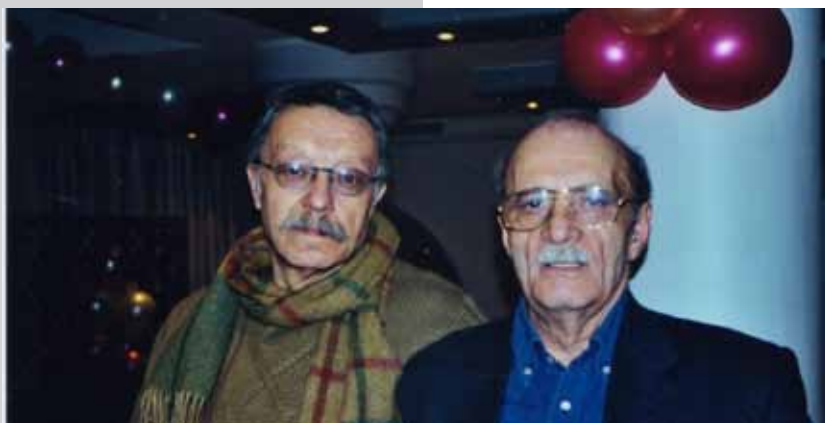
Тут он задумался и спросил: – А кто были вашими педагогами?

– Муза Романовна, – назвал я самую пожилую учительницу.

– А-а-а, английский язык, – с радостью сказал он и, взяв меня под руку, подвел к своему столу и представил друзьям.

Наверное, самый внимательный читатель сразу же догадался, что мы с Евгением Максимовичем говорили об одной и той же школе – только он называл ее прежний номер и старые названия улиц...

Я с благодарностью вспоминаю период моей работы в «Куре», когда я общался с замечательными людьми поколения Георгия Николаевича и моих родителей, с достоинством переживших войну, разруху, голод, а затем и все перипетии конца 80-х – начала 90-х годов. Эти светлые люди, воспитанные на

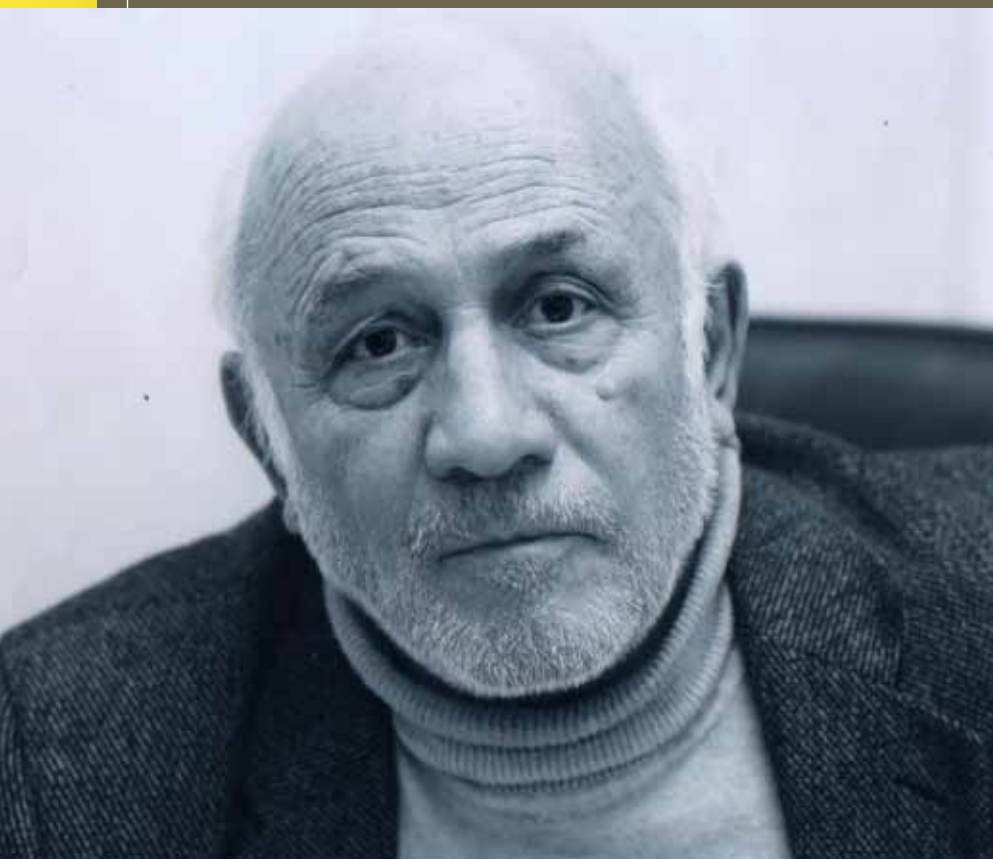
С Юрием Ростом. Фото Н. Никурадзе

С Гией Канчели. Фото Н. Никурадзе

высоких идеалах семьи, дружбы, верности, труда, заслуживали лучшего будущего для себя и своих детей. Хотелось бы, чтобы их внуки и правнуки жили в спокойное, благополучное время, но верится с трудом...

P.S. Последний абзац этих воспоминаний был написан еще в 2007 году. Как прискорбно, что спустя столько лет положение настолько ухудшилось, что вопрос мира стал еще более актуален, а будущее по-прежнему сложно предсказуемо...

В ПОИСКАХ ЖАНРА

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Я благодарен подруге детства Нани за то, что, взяв за руку, она вывела меня за пределы деревенского двора, в ойкумену, оказавшуюся беспредельной: ее освоение наполнило последующую жизнь.

К воссозданию эпизодов прошлого меня подтолкнули передовые письма отца и дяди Левана. Эпизоды, записанные в хронологической последовательности, обещали обернуться мемуаром или автобиографией, к чему не лежала душа: хотелось вольно воспроизводить то, что по какой-то причине или беспричинно приходило на память.

Навести порядок в россыпи дорогих находок, определить жанр записок, прирастающих на моем письменном столе, помог случайный попутчик в поезде Москва-Таллинн.

Дело было давно, еще в советскую пору. Я ехал в Пярну, к отдыхающей там семье, а мой попутчик спешил на таможню в таллиннский порт: искусствоведа редкого профиля — эксперт по определению уникальности за-

держанного на границе произведения искусства, он должен был установить, не является ли вывозимый предмет национальным достоянием. По ходу разговора эксперт обронил, что любой ценный предмет через пятьдесят лет обретает статус антиквариата.

Сам того не ведая, профессионал помог мне упорядочить спонтанные воспоминания последних лет. Отныне воссоздание фрагментов прошлого стало коллекционированием «житейского антиквариата», а возраст коллекции ограничился 1990-м годом. Я не отсекаю эту дату *красной линией*: черта, проведенная мной была *розовой* и *пунктирной*, видимо, я предчувствовал, что ее придется нарушать.

Воспоминания, как коллекционирование житейского антиквариата, — это занятие дарит радость, а собранная коллекция обещала донести хотя бы глоток воздуха уходящей эпохи, тающей у меня на глазах, того воздуха, которого оставалось все меньше во встревоженном и растерянном мире с больной экологией.

СКРИПКА: ЭТЮД С МАЖОРНЫМ ФИНАЛОМ

В третьем классе мне купили скрипку.

В моей жизни многое складывалось помимо моей воли. Так и со скрипкой; она появилась по инициативе Левы Арутюнова, приехавшего из Москвы к тетушкам на каникулы. Друг Левы, студент тбилисской консерватории, искал малолетку с музыкальными задатками — для отработки методов обучения. На свою беду таким малолеткой оказался я: друг Левы проверил мой слух, пощупал подушечки пальцев и удовлетворенно покивал головой. Так решилась моя судьба.

Объективности ради — история со скрипкой оказалась не слишком обременительной. Длилась она меньше двух лет, уроки ничего нам не стоили, а скрипка-четвертушка обошлась маме дешевле футбольного мяча, на который я заглядывался в витрине «Детского мира». Хожения на занятия тоже не отнимали много времени: студент консерватории жил неподалеку, на Коджорской. Он жил с матерью в маленьком домике — две комнатки, веранда и кухня с краном и примусом. Студент — энергичный коротышка с заячьей губой и косой челкой — перепоручил меня своей матушке, учительнице музыкальной школы, а сам появлялся от случая к случаю. Проходя мимо, он больно шлепал меня по спине и говорил что-нибудь неприятное: «Ты, мать, с ним поостороже! Он ленив, как все грузины...» Мать виновато улыбалась. Тихая, болезненная, она куталась в шаль, из которой высывалось востренькое личико с воспаленным носом. Боясь убедиться в ее сходстве с крысой, я старался не смотреть в ее сторону. Единственным утешением на уроках музыки был скрипичный ключ в нотной тетради: с первого же взгляда я увидел в нем иероглиф виноградной лозы и выводил с удовольствием и родственной симпатией.

Моя учительница частенько прихварывала, но уроков не отменяла, и я уныло плелся к ней три раза в неделю, из месяца в месяц, пока однажды прискучившая рутина не дала трещину: посреди Коджорской, на полпути к

музыкальному домику, на меня налетел выскочивший из подворотни одноклассник Джемал Теймуразов. Заводила Джемал поволок меня во двор, где мальчишки гоняли мяч. Наигравшись, я все-таки пошел к учительнице. Там пришлось объяснять причину опоздания: недолго дума, я сослался на мамино нездоровье. Обман сошел с рук, сердобольная учительница даже пожелала маме скорейшего выздоровления. Через неделю я повторил удачный прием, а потом под тем же предлогом вовсе пропустил занятие. Открытие озадачило: обман дарил с в о б о д у, которой я мог пользоваться по своему усмотрению: играть с мальчишками в футбол, подниматься на фуникулере на Святую гору и там кататься на карусели; пить в «Стелле» газировку и разглядывать красных рыбок в керамическом аквариуме. Обман шел об руку со свободой: опасное открытие для незрелой души.

Ни учительница, ни ее сынок не пытались выяснить, отчего участились опоздания и прогулы их нерадивого ученика. Очевидно, я не представлял интереса, и они продолжали возиться со мной исключительно из уважения к Леве Арутюнову.

Затянувшаяся канитель завершилась, как того и заслуживала: один из одноклассников прервал унылую рутину уроков, другой поставил в них жирную точку – сел на мою скрипку и раздавил ее.

Это был Исаак Палтагашвили, тихий еврейский мальчик, необычайно милый, деликатный и доброжелательный. Исаак обучался скрипке лет с пяти. Для этого родители наняли ему опытного педагога и купили дорогой инструмент. Они прекрасно знали свое чадо, позднего сыночка, рожденного от последних сил и последней нежности, знали особенности его непрактичного ума и кроткой души и решили оградить по возможности от грубой жизни.

Звуки, извлекаемые мною из скрипки, терзали слух; другое дело Исаак – в его руках скрипка пела. Я и не помышлял тягаться с ним, но он думал иначе. Деликатность Исаака страдала от тотального превосходства над товарищем, а безграничная до-

брожелательность заставляла его помогать мне, подтягивать, делиться навыками, обретенными ценой кропотливых упражнений. Исаак замучил меня своим репетиторством – таскался за мной, поджидал возле домика на Коджорской, зазывал к себе, в свой дом, полный непонятных дорогих вещей и незнакомых запахов. Мне не нравился его пахучий богатый дом, поэтому трагикомедия со скрипкой разыгралась в нашей полупустой просторной комнате. Демонстрируя правильное владение смычком, Исаак сыграл разучиваемую мною фразу, неузнаваемо изменившуюся в его руках и, доиграв, облегченно сел на кушетку; я бы даже сказал – не сел, а плюхнулся. А на кушетке лежала моя скрипка. Исаак был не по возрасту рослый и не по росту большеголовый, и весил не меньше шестидесяти килограммов, тогда как моей скрипочке хватило бы и шести. Треск деки и жалобный стон струн стали ее последним аккордом.

Что случилось с Исааком не передать словами. Он впал в ступор, помертвел, подавшись вперед и вперив в меня взгляд, полный мольбы и отчаяния. У меня же екнуло сердце от радостного предчувствия. Я осторожно выпростал из-под него остатки скрипки и, убедившись, что она раздавлена в лепешку, облегченно вздохнул. Оставалось вернуть к жизни моего благодетеля, убедить его, что случившееся не катастрофа, а везуха, за которую я всю жизнь буду ему благодарен. На радостях я взмахнул жалкими остатками скрипки и чмокнул Исаака в щеку, мокрую от холодного пота.

Подобная горячность настояжила бы любого здравомыслящего человека: уж не сам ли я подsunул под дружка ненавистную скрипку.

Исаак не был здравомыслящим человеком. Он доверчиво вслушивался в мои слова и пытался улыбнуться. Наконец, на его физиономии проступило что-то похожее на улыбку, и у меня отлегло от сердца.

МАЛЬЧИШЕСКИЕ ИГРЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ ТБИЛИСИ

Избавив от скрипки, милый Исаак вернул меня в родной

двор к прежним простодушным пряткам, пятнашкам и дворовому футболу со звоном разбитых стекол и криками соседей.

Но кроме этих привычных забав, послевоенный Тбилиси время от времени охватывали безобидные игровые эпидемии.

Довольно долго нас лихорадили «волчки». Их вытаскивали на станках пленные немцы, а мы ярко раскрашивали, чтобы придать их вращению феерический шик. Умельцы вбуравливали в острие волчка шуруп с округлой шляпкой: при точном попадании это увеличивало устойчивость волчка и скорость вращения. По всему городу на мало-мальски пригодных площадках ходили кругами разномастные и разнокалиберные волчки, как укротителями подхлестываемые мальчишками с гибкими хлыстами в руках.

На смену поделкам пленных немцев пришла чудная игра под названием «авчалури». Суть ее была до тупости проста и заключалась в подбрасывании ногой, то внешней, то внутренней стороной стопы, тряпичного мячика, наполненного горстью щебня или фасоли. На «авчалури» лежала столь очевидная печаль послевоенной бедности, что остается гадать, чем эта убогая забава увлекла кокетливую столицу Кавказа.

Если один год по тбилисским подворотням орал и хохотал отчаянный «Здравствуй, осел!», пахнущий мальчишеским потом и деревенским поп-корном, невесомые ядра которого под названием бати-бути продавали возле школ окроканские крестьянки, то на другой год его теснил «Кон, чур на место!», гулко гремевший в тех же подворотнях банками из-под американской тушенки. В сущности, «Кон, чур...» представлял собой лапту, приспособленную к городским условиям.

Упрямей других цеплялись за жизнь «кочи» (бабки); в армянских районах Тбилиси они держались до начала 60-х.

Название некоторых игр указывало на их происхождение. Так «авчалури» (дословно – авчальский) несомненно пришло к нам из пролетарского пригорода Авчала, а «Кон, чур на место!» скорее всего занесло из молуканских сел – Тамбовки,

Родионовки, Богдановки, поставлявших на тбилисские рынки отменную молочную продукцию: в кавказских языках нет игровых терминов, вроде «кон» и «чур»; у нас они слились в одно слово и фонетически «окавказились».

В наши дни, когда компьютер, подобно злокозненному дудочнику, Гамельсгаузену, увел детей из реального мира в виртуальный, было бы полезно возродить мальчишеские забавы послевоенного Тбилиси с его правилами и жаргоном, рожденным смесью грузинского языка с армянским, персидским и тюркским. Чего стоил штрафной речитатив проигравшего: «Кон, чур...»! С победителем на закорках, побежденный трусил к «кону», на бегу уныло растягивая: «Ацук-цуке, мацук-цуке, цур-балике, цууу...» Если не хватало дыхания, приходилось заводить по новой. Большинство словечек в наших играх оставались для меня загадкой, но в них слышалось что-то по-соседски близкое, тюркско-персидско-армянское: «алчи», «тохан», «кяпки», «шеки», нелепый речитатив побежденного загонял в тупик: «Ацук-цуке, мацук-цуке, цур-балике...»

Ярче других запомнились бешеные «лахти». О, они несомненно происходили не из старобрядческих сел и не из пролетарского пригорода, а явились из боевых половецких поселений, а, может быть, из самой Спарты — так были brutальны и круты. Лахти пестовали качества воина — хитрость, решимость, ловкость, жестокость. Особенно впечатлял финал игры, когда, урвав из очерченной на земле «крепости» охраняемые ремни, нападающая сторона наказывала зазевавшуюся охрану — изо всех сил лупцевала по ногам и ляжкам. У желторотых малолеток эта расправа вызывала смесь восторга и ужаса, особенно когда наши старшеклассники сражались с молодыми неженатыми мужчинами, в поисках адреналина забредавшими на шум ристалищ.

Однако в городе нашего детства, подобно чумной бацилле, гнездилась игра, гораздо страшнее лахти. Игра называлась *зари*, и, в сущности, была старой как мир, игрой в кости. Простая, не сложнее *авчалури*, она не нуждалась ни в инвентаре, ни в игро-

вой площадке: набор игровых костей да сумрачный куток в старотбилисском подъезде или дебри Ботанического сада на краю татарского кладбища, подальше от любопытных глаз. Для мальчиков из приличных семей на *зари* лежало табу. Это была игра молодых небритых мужчин в мятых штанах с темным прошлым и золотыми фиксами. Страшна была не сама игра, в сущности, безобидная, а зловещий шлейф, тянувшийся за ней: время от времени город перешептывался то о хорошенькой десятикласснице русской школы, проигранной в *зари* и похищенной прямо на Вельяминовской, в тридцати шагах от входа в школу, то о перстнях дочери бывшего обувщика, принесенных победителю вместе с подагрическими пальцами старухи; то об «опель-кабриолете» цвета слоновой кости, привезенном из Германии охранником Берия и проигранном в *зари*. Такие подробности придавали запретной игре остроту и пикантность, страшной же ее делало то, что затянувшийся долг в *зари* оплачивался жизнью.

Как ни странно, обок с уличными забавами и криминалом полнокровно жила советская пионерия. Она не конфликтовала с улицей, а находилась рядом как отличница в форменном платьице с белым передником рядом с отпетым, неумытым второгодником, разящим табачищем.

Из подворотен слышались «тохан», «алчу», «шеки», «кяпки», гремели по булыжникам американские консервные банки, проигравший лапу тянул унылый речитатив, а в актовом зале и пионерских комнатах алели галстуки, сипели горны и старшая вожатая в плиссированной юбке и белоснежной кофте с пафосом взывала: «К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!»

Игра в пионерию увлекла и меня; меня даже выбрали председателем совета дружины, и белую рубашку с тремя пуговичными лычками на рукаве я надевал примерно с тем чувством, с каким новоиспеченный генерал влезает в штаны с лампасами...

Однако рвение мое ограничилось показухой и меня переизбрали.

Советская власть руководствовалась благородным посту-

латом: «Все лучшее — детям!» Нагляднее всего это подтверждает пионерский «Артек» — на необъятной территории бывшей империи выбрали самую ценную землю и отдали детям.

То же сделали в Тбилиси: отдали детям самое красивое строение города — дворец царского наместника. Дольше других в этой должности подвизался князь Воронцов, и тбилисские старожилы по привычке называли Дом пионеров Воронцовским дворцом.

Со временем пионерия одолевает-таки память о князе, и в здании, официально именуемом «Тбилисский дворец пионеров и школьников», разыграются события, которые выплеснутся далеко за его стены. Они привлекут внимание органов госбезопасности, возбудивших судебный процесс, завершившийся суровым приговором, о котором зарубежные «голоса» оповестят весь мир.

В свой черед я припомню эту историю, по касательной задевшую меня.

Покамест же, о том, чем я занимался во Дворце пионеров.

Подросток пионерского возраста, я блуждал по сумрачным коридорам Воронцовского дворца, за два года перепробовав несколько кружков и кабинетов.

Вдумчивые шахматы не увлекли, кавказские танцы отпугнули грохотом и агрессивным азартом, а кружки, в которые поочередно записывался, выявили мою особенность, можно сказать, органичный дефект, в какой-то мере сказавшийся и в дальнейшей жизни.

Кружки были авиамоделный, макетный и радио и запомнились внятно выраженными запахами.

Авиамоделный дышал сухой фанерой, крахмалом и столлярным клеем; макетный разил казеином, пузырящимся в кастрюльке на подоконнике; а радиокружок отдавал ладаном из-за смеси олова с канифолью, которыми ребята запаивали медные провода; ладан, в свою очередь, конфликтовал с писком морзянки и наушниками на мальчишеских головах.

Все три кружка последовательно выявили мою профнепригодность — задания наставников, с которыми кружковцы справлялись играючи, мне давались

ценой долгих усилий и часто отбраковывались. Оказалось, что я плохо приспособлен к мелкой работе. Умелые руки — это не про меня!

В макетном кружке я задержался подольше, озадаченный несметным количеством макетов, воспроизводивших один и тот же объект — хибару вроде тех, какими кишели трущобные Пески на левобережье Куры. Оказалось, что хибара — домик Сталина в Гори, в котором вожьд родился и вырос. Однако, выбор модели руководителю кружка продиктовала не только верно-подданныческая конъюнктура, но и профессионализм: сложенный из речного булыжника, сырого кирпича и кривых балок, крытый горбатой, замшелой черепицей, домик требовал для воспроизведения его фактуры выдумки и кропотливости.

Соорудил и я свой домик Сталина, и даже принес домой, чем немало озадачил маму.

Определение же моего дефекта, того, что я назвал неприспособленностью к мелкой работе, попало гораздо позже, в серьезной книге с медицинским уклоном. К тому времени я изрядно намаялся со своим дефектом, особенно в армии. Откроюсь сразу: вплоть до окончания института я не мог завязать шнурки на ботинках. Это не иносказание и не гипербола. Все детство и юность у меня в головах вешали шпагат или веревочку, дабы, едва продрав глаза, я закреплял навык завязывания. В конце концов меня вышколоили — я преуспел. Но только в мирных условиях. В армии, куда я угодил после института, обретенного умения оказалось недостаточно. В армии я сосредоточенно вязал шнурки, веревки, канаты, тросы, но в свое удовольствие, без *контрольного времени*. Завязать дюжину шнурков на противоядерном капюшоне, чулках и комбинезоне под стрекот секундомера — это было выше моих сил! Кроя матом американскую военщину, я кое-как окукливался в омерзительно липком чехле, но не раньше, чем через три минуты после истечения контрольного времени. А время всего подразделения засекалось *по последнему!*. Словом — амба! Комвзвода, комроты и комбат смирились с дефектом солдата, в

прочих видах подготовки вполне успешного. В пределах в/ч тайну о странном солдате, своего рода врожденном «антилевше» можно было утаить. Но в часть назежали инспекторские проверки — из дивизии, из округа, даже из Москвы! Командование не могло рисковать; приходилось любыми способами убирать меня с глаз долой — на кухню, на губу, в свинарник...

Думаю, неудачные уроки скрипки и конфузии в пионерских кружках были той же природы. А назвать их причину помогла серьезная книга с медицинским уклоном — *идиосинкразия*; иными словами, органичное неприятие, естественное отторжение.

В просторечии о нашем брате существует грубоватая идиома, но не стану ее припоминать — хватит с меня и диагноза. *Идиосинкразия* — солидная научность этого термина внушает уважение, а толкование утешает.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Блуждания по коридорам Воронцовского дворца закончились успехом — коротким зимним днем я остановился перед дверью с надписью: «Кабинет русской литературы». За два года случилось проходить мимо этой двери, но, видимо, потребность открыть ее должна была созреть. К тому времени, когда она созрела, я вышел из пионерского возраста и, судя по фотографии на сохранившемся комсомольском билете, вырос в плечистого отрока с заметным пушком над губой. Если не изменяет память, я учился в восьмом классе; есть

еще одна хронологическая зацепка для датировки: в тот год в советской прессе прошумело имя американского писателя Говарда Фаста; руководительница кабинета русской литературы поручила мне подготовить доклад о его последнем романе.

Два слова о руководительнице кабинета. Ее звали Валентина Семеновна Грязнова. Это была необычайно приветливая и доброжелательная женщина небольшого роста, похожая на седую рабфаковку. Сходство с рабфаковкой придавали стрижка под скобку и молодые, пытливые, немного воспаленные глаза за стеклами очков. Через несколько лет Валентина Семеновна окажется еще одной жертвой политической драмы, разыгравшейся в старинном дворце: ее отстранят от работы, лишат общения с молодежью и любимого дела, которому она умела придать азарт и серьезность.

Но до этого далеко; покамест кабинет русской литературы проводит конференцию по новейшей литературе, гвоздем которой оказывается американский писатель-коммунист, отмеченный Сталинской премией.

За доклад меня поощряют грамотой и призом — романом Достоевского «Преступление и наказание». Тут ненадолго изменю последовательность воспоминаний и перенесусь в новейшие времена.

Москва, конец 90-х; вручение литературной премии «Русский Букер». В тот год церемония проходила в «Метрополе» и отличалась особой изысканностью:

камерный оркестр играл Моцарта и Вивальди, гости сидели за большими круглыми столами и, в ожидании решения жюри, беседовали и закусывали.

Не помню, кто тогда удостоился «Букера», а вот разговор за нашим столом запомнился. Речь зашла о народных университетах культуры, популярных в 60-е годы, и я припомнил, что, проходя службу в армии, организовал такой университет, в котором рассказывал солдатам о Толстом, Лермонтове, Достоевском, Хемингуэе... Меня прервал задиристо-досадливый вопрос: «Как вы могли рассказывать солдатам о Достоевском, когда Достоевский был запрещен в Советском Союзе?!» Спрашивала молодая женщина, однако не настолько молодая, чтобы совсем не помнить советские годы, пору, когда Достоевский вдруг сделался властителем дум: его произведения чуть не каждый год инсценировались, экранизировались и разыгрывались лучшими актерами страны: Грибов, Гриценко, Яковлев, Смоктуновский, Борисов, Стриженов, Плятт, Прудкин, Ульянов, Лавров, Тараторкин... Великолепная Юлия Борисова в роли Настасьи Филипповны... Они блестяще воплощали героев «Идиота», «Преступления и наказания», «Кроткой», «Белых ночей», «Братьев Карамазовых», «Скверного анекдота», «Села Степанчикова и его обитателей»...

Время «Бесов» еще не наступило, оно придет вместе с перестройкой, но на мой вкус «Бесы» не лучшее у великого писателя.

Откуда все-таки возник нелепый слух о запрете Достоевского? Кому и зачем понадобилось наводить тень на ясный день и каким образом злокозненная чушь проникла в профессиональную среду?!

Для опровержения нелепицы пришлось припомнить свой давний приз, полученный не на полулегальной диссидентской акции, а во Дворце пионеров, из рук седой рабфаковки...

На букеровской церемонии в «Метрополе» случилась еще подробность, порадовавшая меня: один из участников нашего застолья – Лев Гуцин, в ту пору возглавлявший «Лите-

ратурную газету», вдруг вступил в разговор и сказал, что был слушателем моих лекций в солдатском университете культуры и что им в немалой степени обязан увлечением литературой и выбором профессии.

На радостях мы потеснили коллег за столом и, предавшись воспоминаниям о солдатской жизни в военном городке в центре Арзамаса, славно выпили.

В том же году Гуцин проявил не только верность армейскому товариществу, но и редакторскую смелость – напечатал в «Литературке» мой резкий предвыборный памфлет «Выйди из стада!», от которого открестились все редакторы, прежде печатавшие мои статьи, в том числе тбилисский приятель Игорь Голембиовский, тогдашний редактор «Известий».

На этом прерву хронологическое отступление, вызванное ложными слухами о дискриминации Достоевского, и из конца 90-х вернусь в середину 50-х годов, в Кабинет русской литературы.

Члены кабинета – старшеклассники русскоязычных школ, собирались вне расписаний; читали друг другу стихи, беседовали на литературные темы, спорили. Изредка наша седая рабфаковка организовывала конференции и диспуты, связанные с заметными литературными новинками – романом Дудинцева, рассказами Казакова, подборкой стихов Пастернака...

Чем еще запомнился наш уютный законопослушный Кабинет до его политической экзекуции?

Помнится, к нам пожаловала съемочная группа фильма «Разные судьбы», горячо принятого тогдашними старшеклассниками. К сожалению, среди гостей не оказалось прелестной сероглазой исполнительницы главной роли. А главного героя, чем-то смахивающего на кинокумира тех лет Жана Маре, перекрасили в йодисто-рыжий цвет, отчего он явно чувствовал себя не в своей тарелке. (Вскоре этот актер эмигрирует на Запад и всю жизнь просидит у микрофона на радио «Свобода»).

Но никакая киногруппа не могла произвести на нас такого впечатления, как встреча с уни-

кальным долгожителем Егором Короевым. Тбилисская «Вечерка» уверяла, что он родился на год раньше Пушкина: стало быть, ему было тогда 156 лет! Невероятно! Однако, солидные тетки, сопровождавшие сидящего на стуле старичка в черкеске, сообщали: в Воронцовских архивах найден документ, удостоверяющий, что Егор Короев, осетин по национальности, православного вероисповедания, служил поваром у генерала Ермолова. Это, конечно, не метрическое свидетельство и не запись о крещении, но достаточно надежная бумага для приблизительной датировки. Как известно, Ермолов покинул Тифлис ближе к 1827 году, и маловероятно, чтобы у сегоднего покорителя Кавказа хозяйничал на кухне зеленый юнец.

Геронтологи, обследовавшие старца, разводили руками, не умея ни подтвердить, ни опровергнуть фантастический возраст.

Единственной, кто не нуждалась в научных доказательствах, была наша седая рабфаковка, наша доверчивая Валентина Семеновна: выражение радостного испуга на ее открытом лице говорило за себя. Она видела перед собой того, кто мог дышать одним воздухом или даже соприкоснуться на тесных улочках старого Тифлиса с кумирами ее жизни, молодыми, полными творческих сил гениями – со Львом Толстым, пишущим в немецкой слободе первые страницы «Детства», с Лермонтовым, заехавшим в Тифлис по казенной надобности и услышавшим предание о юноше и барсе, украсившее его «Мцыри»; с Пушкиным, направляющимся в Арзрум, в распоряжение армии Паскевича, сражающейся с турками; с Грибоедовым, влюбленным в юную Нину и ждущим назначения в Персию...

Таких впечатлений набрался я в Кабинете русской литературы.

Случилось так, что в ту же пору, так сказать, параллельно, передо мной открылась еще одна дверь в будущее – я увлекся спортом.

Продолжение следует

СТАЛИН, ХРУЩЕВ, БРЕЖНЕВ

Воспоминания, портреты

■ Дэви СТУРУА

Окончание

У меня остались воспоминания Микояна о Сталине в виде записанных мной в разное время замечательных устных рассказов. Очень жалко, что Анастас Иванович сам не доверил свои воспоминания о Сталине бумаге, это был бы интереснейший человеческий документ! Впрочем, кто знает, быть может, рукопись с такими воспоминаниями он оставил своим детям, но в таком случае они уже были бы опубликованы, тем более, что более половины отражает негативное отношение автора к Сталину.

Вообще, я должен совершенно определенно сказать, что те деятели, которым довелось работать непосредственно со Сталиным, в своих беседах с близкими и знакомыми все время обращались и обращаются к теме Сталина. Он так прошил всю их жизнь, умонастроение, психику, что они с трудом сосредотачивались на чем-нибудь другом. Он угнетал их сознание и после своей смерти. Я уверен, он являлся им в снах-видениях, вновь и вновь вызывая чувство страха, перемешанное с чем-то необъяснимым, чего нельзя выразить языком.

Между прочим, даже сам Хрущев, первым поднявший руку

на божество, в создании которого он принял наиболее активное участие, не мог и часа вынести без тени Сталина. На его долгих обедах и ужинах Сталин витал как полноправный участник трапезы: у меня и теперь в ушах звенит зычный голос Никиты Сергеевича: «Мы слизняки! Мы ничего не умеем доделать до конца! Вот Сталин умел требовать, он не цацкался с людьми, со всякими г...-ми!».

Здесь я привожу лишь некоторые новеллы, рассказанные Анастасом Ивановичем, причем привожу почти так, как я их записал, с сохранением особенности устной речи колоритной фигуры, каким был Анастас Иванович Микоян.

Сталин не любил, когда человек слишком много внимания уделял своей внешности, одежде, хотя сам всегда был подтянутым. Особенно он терпеть не мог сильно накрахмаленного летнего кителя Шверника и часто злословил по этому поводу.

Однажды я показал Сталину болгарский помидор огромных размеров, с очень тонкой кожицей. Понимаешь? Помидор был сочным, налитым. Я показал его Сталину потому, чтобы в даль-

нейшем внедрить его у нас. Сталин взял у меня помидор, покрутил в руках и сказал: «Помидор хороший, видно, очень сочный и вкусный. Внедрим после того, как я испытаю его на Швернике, он сейчас придет сюда». Берет мой помидор в руки и складывает их за спиной, чтоб помидора не было видно. Через несколько минут заявляется Шверник в своем сильно накрахмаленном, хорошо выглаженном белом кителе и говорит: «Здравствуйте, товарищ Сталин». Сталин так ловко швырнул в него мой болгарский помидор, что попал Швернику прямо в грудь. Помидор расквасился так, что весь накрахмаленный китель Шверника и его лицо были забрызганы как следует. Шверник от неожиданности раскрыл рот, но ничего не сказал, хотел уйти, но не посмел, вдруг Сталин обидится. Сталин, глядя на Шверника, хохотал и все время толкал меня в бок рукой. Ну, я тоже засмеялся, хотя смешного было мало. Наконец, стал смеяться и сам забрызганный Шверник, хотя, я думаю, ему было совсем не смешно. Наконец, Сталин перестал смеяться и сказал Швернику: «Езжай, переоденься и возвращайся». Забрызганный Шверник ушел, а Сталин сказал мне: «Помидор хороший, надо его внедрить».

Я часто показывал Сталину те или иные продукты, предлагал попробовать. Сталин говорил мне: «Сначала попробуй сам, если через час-полтора не умрешь, я тоже отведаю». Он не шутил, хотя и говорил в шуточной форме. Особенно осторожничал, когда я предлагал ему дегустировать вино. Кстати, в винах он понимал толк и даже очень. Почему-то не любил «Изабеллу», говорил — это не вино, а так, летний напиток, можно пить на пляже, когда очень жарко. В молодости мог выпить много, но не пьянел. После войны пил мало, почти не пил, хотя других заставлял пить, иногда до полного опьянения. Думал, может, в таком состоянии человек не скроет своих чувств и намерений. Очень был подозрительный, без исключения, ко всем.

Однажды, это было летом 1952 года, Хрущев и я отдыхали в Сочи. Нам позвонил Сталин из романовского дворца в Ликани. Дело было. Мы выехали из Сочи

поздно вечером и под утро были в Ликани. Немного отдохнули, привели себя в порядок и стали гулять перед домом. Сталин еще спал, и мы спустились к Куре. У Белого моста мы неожиданно встретили гостившего у Сталина руководителя венгерских коммунистов Матиаса Ракоши. Он удил рыбу, и у него был немного помятый вид. Хрущев спросил, как он себя чувствует, на что Матиас ответил: «Ну как будешь чувствовать себя, когда тебя заставляют пить каждый день». — «Кто заставляет?» — «Товарищ Сталин». Это была жалоба на Сталина. Если б Матиас высказал ее одному мне, я, конечно, оставил бы ее при себе, но как быть, когда все услышал и Никита? Вероятно, такие же мысли возникли и у Хрущева. Когда мы остались одни, Никита сказал мне:

«Слушай, Анастас, этот Матиас нажаловался нам на товарища Сталина. Мы не имеем права скрывать это от него». Мне очень хотелось выгородить этого несчастного Матиаса, но это было невозможно. Если б я сказал Хрущеву: «Давай не будем говорить этого товарищу Сталину», — он, быть может, и согласился, но потом рассказал бы все Сталину, в том числе и о том, что я предложил умолчать о жалобе.

Часа в три из романовского дворца вышел Сталин. Он был в хорошем настроении, шутил. Погуляли немного, потом чай попили. Матиас в это время удит свою рыбу, ждет, когда его позовут. За чаем Сталин, как бы невзначай, говорит: «Тут у меня были товарищи из Грузии, старые коммунисты. Они мне рассказали, что в руководстве и повсюду одни мингрельцы, имеется круговая порука, взяточничество и другие безобразия. Надо эту шайку призвать к порядку. Что вы скажете по этому поводу?». Я сразу понял, что Сталин замахнулся на самого Берия, видно, стал бояться его. Потому-то и затевается очередное «дело». Конечно, и Никита понял, куда ветер дует, и сразу же сказал: «Это серьезный сигнал, надо этим заняться основательно». Никита ненавидел Берия, я тоже не питал к нему особых симпатий, но пока Сталин доберется до него, многие пострададут. Так и случилось.

После обсуждения «мингрельского вопроса» Хрущев и

я рассказали Сталину, правда, в шуточной форме, о «жалобе» Матиаса Ракоши. Сталин разозлился. «Ему не нравится мое гостеприимство? Видимо, я плохой хозяин. Что ж, постараюсь исправиться», — сказал он с явной угрозой.

К обеду позвали Матиаса Ракоши. Сталин встретил его радушно, но мы знали, что Сталин найдет способ наказать его. Пили коньяк из крошечных рюмок. Наконец, Сталин говорит: «Что это ты, Матиас, такой здоровый мужик, а как хворающая птица, едва клюешь этот коньяк?» Он приказал принести большой фужер, собственноручно наполнил его и поднял тост за Хрущева. «Я не смогу выпить столько, — побледнев, сказал Ракоши. — К тому же у меня повышенное кровяное давление». — «Ничего, пей!» Ракоши выпил и отставил от себя фужер. Сталин вновь наполнил его и сразу же предложил тост за меня. «Я не могу больше, товарищ Сталин». — «Пей, тебе говорят!» После второго фужера Матиасу Ракоши стало плохо, и его увели из-за стола. «Будет знать впредь, как надо ценить гостеприимство Сталина».

Некрасивая была картина. У всех, в том числе у самого Сталина, испортилось настроение. Сталин пошел к себе, а мы с Хрущевым пошли гулять, так как Сталин не велел ехать обратно.

Сталин хорошо знал теорию, пропаганду, хорошо писал, но в делах разбирался не всегда. К торговле относился свысока, вкуса к ней не имел. Терпеть не мог крестьян, называл их кулаками, жадными. О рабочих, наоборот, высоко отзывался.

Когда какая-либо отрасль, допустим, легкая промышленность, отставала, Сталин заводил папку, собственноручно надписывал «легкая промышленность» и начинал собирать материал — газетные вырезки, доклады и т.д. Когда папка набухала, он запирался и изучал материалы, потом, посоветовавшись со специалистами, выносил вопрос на Политбюро. (Читатель легко заметит противоречие между этими двумя рассказами — Д.С.).

Сталин отдыхал на побережье Черного моря. Я его навестил, дело было. После обеда сидим на балконе. Где-то вдалеке ведутся какие-то взрывные работы; довольно сильные взрывы раздаются размеренно, с интервалом в 10-15 секунд. Сталин уловил эти интервалы и давал: — По грузинам огонь! — Раздается взрыв. — По армянам огонь! — И т.д...

Когда он хотел кому-нибудь понравиться, с ним не смогла бы соперничать ни одна французская кокетка. Гопкинс и Рузвельт были в него влюблены. С Черчиллем и де Голлем было сложнее, но он и их подмял под себя. Многие писатели свел с ума. Фадеев и Симонов были без ума от него. Симонов потом как будто опомнился. А Фадеев не вынес критики культа личности, к тому же интеллигенция его обвиняла в том, что он не уберег некоторых писателей. А как он мог их сблечь, если Сталин давил на него?

Вернулся как-то Сталин с побережья в хорошем настроении, собрались на «ближней» члены Политбюро, толкуем о том, о сем. Заходит вдруг Поскребышев и говорит Сталину: «Товарищ Сталин, пока вы отдыхали на Черном море, Молотов и Микоян составили против вас заговор с целью устранить вас». Конечно же, подговорил его сам Сталин, иначе Поскребышев не посмел бы сказать такую провокационную ерунду. Я это сразу понял и был спокоен. А у Молотова нервы не выдержали, он побледнел и прислонился к шкафу, вблизи которого стоял. Я схватил плетеный стул и запустил им в Поскребышева. Сталин с большим вниманием следил за происходящим. Как мне показалось, моя реакция на слова Поскребышева ему понравилась, а слабость Молотова — нет.

У нас за последние годы жизни Сталина сложилось одно неписаное правило. Когда мы были согласны с его мнением, с его предложением, мы говорили: «Да, товарищ Сталин, хорошо, товарищ Сталин». А если не были согласны, то молчали, и Сталин понимал, что мы — против.

Один раз, это было после

«дела врачей», Сталин неожиданно заявил членам Политбюро: «До каких пор мы будем скрывать от народа правду о Серго?» Я, естественно, подумал, что Сталин имеет в виду его самоубийство, но он всех нас ошарашил следующим заявлением: «До каких пор мы будем скрывать от народа, что он был английским шпионом, а когда понял, что его не сегодня-завтра разоблачат, пустил себе пулю в лоб?» Мы молчали. «Не хотите, ну и черт с вами».

У него были фетиши, зря, что ли, учился в духовной семинарии, особенно два фетиша — золото и пшеница. Выбить это у него из рук было невозможно. В 44-м говорю ему: «Товарищ Сталин, у бойцов цинга, зубы выпадают, не хватает витаминов. У нас трехгодовалый запас пшеницы, продадим годичный запас, накупим всякой всячины». — «Нет, я что, Николай Угодник, откуда я знаю, когда война кончится? Грамма пшеницы не продадим».

Последние годы жизни Сталин много времени проводил за столом. Обеды и ужины, как правило, очень затягивались. Кое-кого, кто любил поесть и выпить, это, конечно, очень устраивало, но меня очень угнетало (Анастас Иванович был воздержанным в отношении еды, за обедом выпивал стаканчик «Лыхны», сидеть долго на одном месте не любил, был большой охотник до прогулок, причем в любую погоду. — Д.С.). За этими трапезами часто обсуждались те или иные, даже очень важные, вопросы. Без протокола, естественно. Но решения принимались, а затем соответствующим образом оформлялись. Но иногда велись просто отвлеченные разговоры, шутили, смеялись, но я, да и все остальные, были все же внутренне собраны, так как Сталин в любой момент мог сделать неожиданный выпад, подставить ловушку. Эта собранность не покидала даже тех, кто пьянел во время этих трапез.

Засиделись как-то до четырех часов утра, говорили о том, о сем. Подвыпили все как следует, особенно Берия и Ворошилов. Наконец, встал я и говорю:

«Пошли, товарищи, пора и честь знать». Сталин говорит: «Погодите, сейчас я вас угощу перепелками». Сел я на свое место и думаю, какие еще перепелки после такого сытного ужина. Ничего не поделаешь, надо ждать перепелок. Занесла их хозяйка «ближней» Валя на огромной тарелке. Сколько их там было, черт его знает. Кушать никому не хочется, но что поделаешь, взяли все по одной, в том числе и Сталин. Каждый со своей перепелкой быстро расправился. Сталин говорит: «Давайте еще по одной». Что поделаешь, взяли. Вдруг я заметил, что Берия вторую перепелку положил в карман. Я сразу посмотрел на Сталина. У меня осталось впечатление, что он этого не заметил. «Бог троицу любит, — говорит Сталин, — возьмем еще по одной». Вижу, никто не хочет есть, но Сталину не откажешь, вмиг обидится. Берем еще по одной перепелке. Берия и ее — в боковой карман пиджака. Опять смотрю на Сталина — нет, не заметил. Короче говоря, счет дошел до десяти. Невмоготу, но героически едим эти проклятые перепелки, а Берия также незаметно переправляет их в боковые карманы пиджака, а Сталин, как мне казалось, не замечает этого жульничества. Наконец, принесенная Валей огромная тарелка опустела, и мы стали прощаться. Меня зло берет, что Берия удалось перехитрить Сталина и не съесть эти отвратительные перепелки. Когда Сталин пожал руку Берия, он вдруг спросил его: «Что это у тебя в карманах пиджака? Гляди, как набухли». — «Ничего, товарищ Сталин, так, всякая всячина», — попытался отшутиться Берия, но он уже был на крючке. — «Всякая всячина, говоришь, давай поглядим на эту всякую всячину. Доставай, что у тебя там». Берия достал одну перепелку и держит ее в руке. «Ешь», — коротко сказал Сталин. Берия съел. «А ну, давай, что у тебя там еще». Короче говоря, за две-три минуты Берия пришлось съесть все перепелки, которые были упрятаны в его карманах. Как только вышли из «ближней», Берия подбежал к первому же кусту. Его вырвало. Так тебе и надо, сукин сын, говорю про себя. Другим тоже было приятно, что его номер на этот раз не прошел. Облегчился Лаврентий

и выдал матерщину на грузинском языке: «Магис деда... магис деда...».

Берия, конечно, не верил Сталину, не такой был человек (это был единственный отдаленный и осторожный намек на то, что Берия имел отношение к кончине Сталина. В других случаях Микоян отрицал версию насильственной смерти Сталина. Также неуклонно придерживался он канонической версии разоблачения и ликвидации Берия. — Д.С.). Берия был хитрым и коварным. Перед кончиной Сталина старался сблизиться с некоторыми членами Политбюро, особенно с Молотовым и мной. Вячеслав мне сказал однажды, что Берия в разговоре с ним обвинил только Сталина в аресте и высылке Полины (Полина Жемчужина — жена В.М. Молотова). Когда Сталина хватил первый удар, Берия тут же послал за Полиной свой личный самолет. Сам поехал встречать ее, посадил в свою машину и лично доставил Полину Вячеславу. Молотов был за это очень благодарен Берия, и когда встал вопрос о разоблачении и ликвидации Берия, сильно колебался, но потом дал согласие. Инициатором этой истории был Хрущев. Впервые он доверился мне и Ворошилову, потом постепенно и другим. Маленкову последнему сказали, что и как. Как это ни странно, он сразу же дал свое добро. Мы немного боялись, чтоб он не сообщил Берия, но ему хватило здравого смысла, понял, что его другу наступил конец. Был он человеком шатким и непоследовательным, да еще и подхалимом. Когда обсуждали на Политбюро вопрос о том, как провести 70-летие Сталина, внес предложение переименовать Москву в город Сталин. Сталин разозлился и сказал, что только дураку могла прийти в голову такая мысль. Между прочим, Сталин отклонил почти все предложения по юбилейным торжествам, оставил только юбилейное торжественное заседание в Большом театре.

В первых числах мая 45-го Сталин созвал Политбюро. Протокола никто не вел. Все поняли, дело серьезное. «Что, кончать будем войну? — ошарашил всех

Климент Ворошилов, Иосиф Сталин, Анастас Микоян, Андрей Жданов

Сталин и продолжал: — В настоящее время мы намного сильнее наших союзников. В Западной Европе действуют сильные компартии. Эти страны мы пройдем церемониальным маршем, Франко сбросим в море. Учтите, что через несколько лет воевать будет невозможно. Что вы скажете на это?» Все мы были потрясены. Неужели Сталин хочет бросить Советскую армию на вчерашних союзников? Как на это отреагирует наша страна, весь мир? Гробовое молчание нарушил Жуков. Он решительно сказал: «Товарищ Сталин, армия живет и дышит тем, что не сегодня-завтра кончится война. Армия утомлена, товарищ Сталин, и потом, как объяснить солдатам, что мы начинаем войну против наших же союзников, с которыми столько лет бились с фашистами?» — «Предлог найдется», — бросил Сталин. — «Допустим, но Европу мы не пройдем церемониальным маршем. Нельзя недооценивать сил союзников. Если мы начнем новую войну, это будет обреченной на провал авантюрой, которая унесет дополнительно миллионы и миллионы жизней. Надо кончать войну, товарищ Сталин». — «А что скажут другие маршалы?» — спросил Сталин. Все маршалы поддержали Жукова. Воевать ни в коем случае нельзя, — в один голос твердили они. Потом Сталин с таким же вопросом обратился к нам, членам Политбюро. По установленной традиции, мы молчали, значит, не были согласны с его предложением. Сталин все понял, немного помолчал и в заключение сказал, что мы все, и маршалы, и члены Политбюро — трусы, что он один

не возьмет на себя такую ответственность, что история нам не простит этого, и что другого такого шанса история нам не даст.

Все облегченно вздохнули.

В последние месяцы жизни часто повторял язвительно и желчно: «Ничего себе, выполнили заветы Ленина — строили социализм, а построили казарму».

Что можно сказать об этих устных рассказах Анастаса Ивановича? Конечно, они — безусловно заслуживающий доверия человеческий документ, несмотря на налет субъективности, и, как убедился читатель, отражают в основном негативное отношение Микояна к Сталину. И дело не в том, что при Сталине Микояну, другим членам Политбюро и их семьям, несмотря на внешний почет, жилось совсем не сладко...

О Сталине писали и пишут у нас и за рубежом много, слишком много. Иногда кажется, что этот исполин и по сей день держит мир в тисках своего страшного обаяния. К одному знаменателю не прийти, я думаю, никогда. Эренбургу Сталин виделся совсем не таким, как Шолохову. Оба неправы, или надо верить и одному, и другому?

Помню, во время Дней русской литературы в Тбилиси Евгений Евтушенко сел на своего любимого конька, стал спрыгивать и склонять Сталина, чеховить его безбожно. Все слушали его с разными чувствами, но никто не хотел вступать с ним в полемику. Только Симонов сказал тихо и за-

думчиво, словно всматриваясь в годы, прожитые рядом со Сталиным: «Эх, Женя, Женя, вот говоришь ты разные шумные слова, а если б хоть один раз увидел Сталина, поговорил с ним, влюбился бы в него, как женщина».

Мне кажется, история еще не вынесла окончательного приговора Сталину. Есть масса вопросов, на которые не найдены убедительные ответы. Кто знает точную меру и степень личной ответственности Сталина за все, что было в период его грозного правления в течение трех десятков лет? На этот вопрос мы не находим ответа ни в книге Троцкого о Сталине, ни в объемистой биографии, принадлежащей перу Исаака Дейчера, ни в бездарной, компилятивной книге Волкогонова, ни в обильной мемуарной литературе, принадлежащей в основном советским военачальникам, ни в художественной литературе.

Кто ответит на вопрос: Сталин сформировал ту жизнь и бытие, которые сложились в 20-е, 30-е, 40-е и 50-е годы, или, наоборот, эта жизнь и это бытие сформировали Сталина? Отцом он был своей грозной эпохи или сыном? Или, быть может, одновременно и творцом, и жертвой своего до конца еще не осмысленного режима? Кто знает? Очевидно, беспристрастный и мудрый историк будущего (если это будущее состоится) скажет свое веское и окончательное слово, но, увы, мое поколение его уже не услышит. Хотя у нас тоже свое преимущество перед историком-судьей будущего. Мы были очевидцами фантастического эксперимента, против которого ополчился весь старый мир и который прервали мы сами, ибо он нуждался в иной энергии, иной убежденности, ином накале.

По поводу Сталина, так же как и по поводу Юлия Цезаря, Наполеона, будут сталкиваться мнения, суждения и чувства различных поколений. Анатомизировать этот феномен всегда будет интересно, ибо он в своих деяниях показал максимум человеческих возможностей и даже больше. Бальзак писал, что гений неподотчетен эпохе, ибо сам является ее творцом. Отчет или неподотчетность Сталина — дело завтрашнего дня.

ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ

Ольга Полуйан до ареста со старшим сыном Юрой

Олег ЕГОРОВ-РАКОВСКИЙ

Мою бабушку звали Ольга Дмитриевна Полуйан. По первому браку — Егорова. По рождению — Раковская, из польского дворянского рода герба Trzywdar. Она родилась в 1902 году в Минске, училась в Мариинской гимназии, любила танцы и мечтала о выпускном бале.

Вместо бала пришел 1917 год. Пришла революция, а за ней — хаос, насилие, крушение эпох. Минск за восемь лет сменил три режима, стал из губернского центра столицей новой республики, потерял одних хозяев и обрел других. Мечты Ольги — как засушенные листья: рассыпались.

В двадцать лет она влюбилась в моего деда, Сергея Егорова — офицера, потомственного дворянина, человека с разбросанной по стране, потерянной семьей. Они поженились, родили дочь и сына и верили, как многие тогда, что самое страшное уже позади.

Это было заблуждение.

В 1925 году семья перебралась в Москву. Ольгина сестра Валентина была замужем за видным большевиком Михаилом Ветошкиным, и по его протекции Сергей Егоров устроился военспецом. Но в 1930-м был арестован как «бывший». Ве-

тошкин спас его от лагеря, но не от ссылки — Егорова отправили на погранзаставу в пустыню Кара-Кум. Чтобы не навредить семье, они развелись. Так Ольга осталась одна с двумя детьми. Казалось, все кончено.

Но жизнь не закончилась. В доме сестры она встретила Яна Полуйана — высокопоставленного чиновника, начальника энергоуправления Наркомхоза СССР, члена президиума ВЦИК. Он был на 12 лет старше, глубоко порядочен, наивен и — искренен. Он был из кубанских казаков, шел за красными по убеждению и страдал от понимания цены этой веры — в крови и голоде. Но с Ольгой он молчал об этом. Он хотел ее сберечь.

Это была любовь. Такая, что бывает один раз. Они не говорили громко, но жили полно: дети учились в 25-й образцовой школе вместе с детьми партийной верхушки, по выходным — теннис, летом поездки в Крым, спектакли, книги. Все это — в то же самое время, когда миллионы жили и умирали от голода и в бараках, без суда и имен.

2 июля 1937 года у Ольги и Яна Полуйана родился сын — Саша. Полуйан был счастлив. Сталин лично позвонил с поздравлениями. Через три неде-

ли Ян Полуйан исчез: арестован. Ольга сходила с ума от неизвестности. Он не вернулся. Она не знала, что 8 октября его расстреляли как «врага народа». Он подписал признание, чтобы спасти семью. Последнего слова на суде не произнес. Просто посмотрел и ушел.

Через три месяца, в канун нового года, Ольгу увезли в Бутырку, а затем в АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Своих детей она увидит только через 16 лет — после 8 лет лагеря и 8 лет ссылки.

Спустя десятилетия, в начале 1990-х, мне удалось получить архивное дело бабушки. Среди бумаг — затертая тетрадь, дневник из лагеря. Несколько страниц. Несколько стихов. Написанных в аду. Без надежды — и все же наполненных ею.

С тех пор я ношу ее голос в себе. И однажды, много лет спустя, в Тбилиси — городе, с которым ничто в ее жизни не было связано — мне выпала возможность встретиться с нею вновь.

Это случилось на спектакле «А.Л.Ж.И.Р.» в театре им. Грибоедова. Женщины на сцене говорили ее голосом, жили ее страхом, ее ожиданием, ее тишиной. Это был не спектакль. Это было воскрешение. Я хожу на этот спектакль снова и снова. Каждый раз, глядя на них, я словно снова встречаюсь с бабушкой. Не с символом. Не с образом. А с живым человеком — с ее глазами, ее любовью, ее болью.

Я благодарен этим актрисам. Благодарен за это свидание. За то, что благодаря им она не исчезла.

Этот дневник, эти стихи, эти несколько строчек — это письмо из лагеря, которое шло ко мне десятилетиями. Письмо от женщины, у которой отняли все, но не сломали.

Оно не требует комментариев. Оно требует тишины.

Но перед этой тишиной я должен сказать одно: она выжила. И ее голос будет звучать, пока мы его слышим. Пока мы не забываем. Пока в наших детях и внуках живет хотя бы искра от той, которая когда-то написала на лагерной бумаге сильные, горькие и прекрасные слова.

Ольга Полуйн в ссылке после лагеря

ИЗ ДНЕВНИКА

Ольга ПОЛУЯН

Снежинки искрятся в праздничном хороводе, и нам с Сашенькой весело. Весело — сегодня Саше исполнилось шесть месяцев, и мы с ним возвращаемся с первой в его жизни новогодней елки. Как сияли Шашины глазки! Каждый хотел взять его на руки, поднести к елке, полюбоваться игрой синих глаз! Саша, действительно, прелесть — полненький, нежный, с чудесной улыбкой Яна...

Снежинки забираются под меховой капюшончик, я плотнее прижимаю к себе Сашеньку, быстро перебегаю двор, вхожу в подъезд.

Нина и Юра нас ждут уже дома. Они тормозят Сашу, вдвоем его раздевают и наперебой рассказывают о елке в школе. Саша сидит в высоком кресле и не сводит глаз с розовощеких своих сестрички и брата.

— Ты посмотри, мамочка, — смеется Нина, — как Саша ловит каждое наше слово! Он уже все понимает! Сашенька! Ты наша радость! Какое счастье, что ты у нас есть!

Юра несет погремушку:

— Слушай, Сашенька!

Погремушка так громко? Нет, звонок в дверь. Я иду, открываю. В дверях человек в черном пальто и в черной шапке. Он быстро проходит в перед-

нюю, заглядывает в комнату, на ходу говорит:

— Я к вам с просьбой. Не могли бы вы подъехать в НКВД, к следователю, и дать маленькую справку о вашем муже?

Сердце замерло — неужели сейчас услышу хоть слово о Яне?

— Хорошо, — говорю, скрывая волнение, — покормлю в девять часов сына и приеду.

Человек в черном смотрит на часы:

— Сейчас половина девятого. Ровно в девять вы будете дома. Даю вам слово. Следователь ждет вас сейчас. У меня у подъезда машина.

— Хорошо.

Быстро одеваюсь. Подходит Нина.

— Куда ты, мама?

— Я скоро приду. Ты же слышала. Пейте чай, развлекайте Сашеньку.

В машине «ухожу» к Яну: «Ты огорчился, что Сашенька худенький. Но ему было только три недели, когда тебя увели. В твоих глазах тогда стояли слезы. Теперь ты его не узнаешь. Нина и Юра повзрослели. Каждый миг нашей жизни пропитан ожиданием твоего возвращения. Теперь уже, кажется, скоро. Идут последние формальности — нужна какая-то справка! Но разве справка скажет о тебе

больше, чем вся твоя ясная жизнь?! Я дам справку и скажу, спрошу, как это стало возможным?!» Мысли теснятся в мозгу, сливаются с биением сердца, заполняют весь мир.

От волнения я даже не заметила, как к нам присоединилась Мария Григорьевна Хромина, жена замнаркома внутренней торговли. Он, как и все в нашем доме по Новинскому Бульвару, 25, арестован этим летом. Их квартира в первом подъезде нашего дома. Между ней и мной сидит военный.

— Вы вздрогнули? — спрашивает он Хромину.

— Вы пригласили меня в НКВД, но машина завернула к Бутырской тюрьме.

— Следователь сейчас там. Очень много работы, — отвечает военный.

«В Бутырках или в НКВД, — думаю я, — только бы скорее увидеть следователя...»

Бутырки.

Темные мрачные стены проступают сквозь снежную метель... разводятся тяжелые ворота... открываются неведомые двери... яркий свет огромного зала со множеством дверей... частый стук каблучков — это мы с Хроминой торопливо проходим к указанной нам двери. Дверь открывается и мгновенно захлопывается.

Мы в узенькой клетке, отде-

ланной сверху донизу белой кафельной плиткой.

Стучу в дверь. Дверь приоткрывается.

— Я не могу ждать. Передайте следователю.

— Хорошо.

Дверь закрывается...

Девять часов. Стучу снова. Ответа нет...

Половина десятого. Стучу. Ответа нет...

Десять часов. То же самое...

— Кажется, — говорит Хронина, — нас украли из дому.

Я молчу. «А дети?! — с ужасом думаю я. — А Сашенька?! Я не оставила даже молока!.. И ночь!.. А дети одни!» Стучу изо всех сил. Дверь открывается.

— Кто вы? — спрашиваю я.

— Корпусной.

— Почему меня не вызывает следователь?

— Он очень занят. Сегодня он вас не примет. Придется у нас задержаться.

— Надолго?

— Может быть, на несколько дней.

Дверь закрывается. Оборачиваюсь к Хрониной. Мария Григорьевна прислонилась к стене. Она смеется?! Я прячу лицо в угол белой клетки. «Только не это! — мысленно кричу я. — Только не это! Не смеяться, не биться головой о белые плиты!»

— Не надо смеяться, — говорю я вслух.

— Если одну из нас выпустят, — вдруг говорит Хронина, — договоримся, что сказать дома.

Я оборачиваюсь. Лицо Хрониной совершенно спокойно, только страшно искажено болью.

Неожиданно дверь широко распахивается. Входит совсем молодая беременная женщина.

— Вера Калинина, — произносит она. — Мой муж работал в ЦК Комсомола... Арестован летом... Мне завтра или сегодня рожать... Я ничего не взяла с собой, ни одной пеленочки... на полчаса... не похоже...

У двери корпусной:

— В баню!

В какую баню? Зачем? Иду за Верой и Марией Григорьевной. Банщица обыскивает.

— Раздевайтесь.

Говорю едва слышно:

— Мне в баню не надо, я каж-

дый день принимаю ванну.

— Раздевайтесь!

Непослушными руками снимаю платье. Разбухшая, кормящая грудь, сверкающая чистота белья и тела или потрясенный мой вид, но что-то трогает женщину:

— Не надо. Идите, — говорит она тихо.

Нас куда-то ведут. Длинный полутемный коридор... Ноги ступают мягко, шагов не слышно, как во сне... «Я сплю», — думаю себе...

Поворот. В зарешеченное окно врывается сноп фонарного света, и искрящиеся снежинки возвращают меня к действительности — в этом новогоднем снежном сверкании я только что прижимала к себе Сашу.

— Сашенька!!! Сашенька!!! — несется мой дикий вопль по коридору Бутырок. Я теряю сознание...

...Только что меня привели из тюремной больницы — поднялась температура. Забинтовали грудь.

Я лежу, спрятав лицо в подушку.

— Я никогда не думала, что в тюрьме такие прекрасные камеры, — говорит Нина Левтонова, — какая прекрасная большая камера! А нас здесь всего шесть человек!

«Да, нас теперь уже шесть, — думаю я, — прошло уже три дня».

Я стараюсь вслушиваться в то, что говорит Нина, чтобы удерживать мысли в стенах этой камеры.

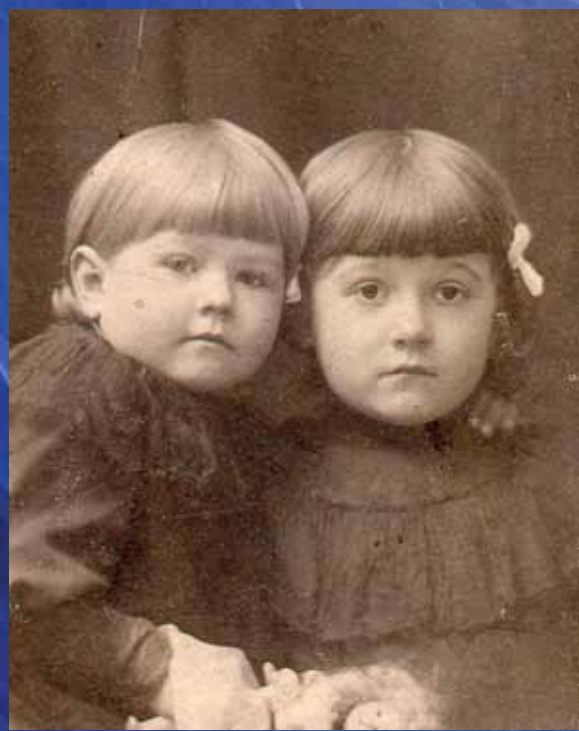
— Теперь я не буду так тревожиться за мужа, — продолжает Нина, расхаживая по камере, — здесь не так уж плохо... Да... Я детский врач, а муж — музыкант... Он всегда бывает в обществе театральных работников, артистов... кто знает, что он там наболтал где-то... или попал в плохую компанию?.. У меня двое мальчишек... Они остались с родными... Я за них спокойна... Нас скоро отпустят...

— А если не отпустят? — спрашивает Цива Долгина.

— Отпустят! Зачем мы здесь?

— А если все же не отпустят? — настаивает Цива.

— Тогда... Тогда здесь мы будем изучать иностранные язы-

Со старшей сестрой Валею

ки, будем самообразовываться, как революционерки в царских тюрьмах!

Я с трудом отрываю голову от подушки, чтобы посмотреть на Нину. Она ходит и говорит, говорит, говорит... «И какую же чушь говорит», — думаю я. «Высокая, стройная, гладко причесанная, в английском костюме, под жакетом серый теплый свитер. Будто и впрямь революционерка, собравшаяся в долгий путь из Лондона в Россию», — думаю я с неожиданной злостью и снова опускаю голову в подушку.

— Тулупкин-тюлупкин, несчастный человек, — говорит мне Нина, садится на край моей кровати и нежно треплет мне волосы. — Так напевал мой муж, когда кто-нибудь из мальчишек расхнычется. Плачьте, Олечка, плачьте. Нас скоро отпустят.

Подходит Цива:

— Да, Олечка. Плачьте. Будем беречь себя для детей.

«Милая мужественная Цива, — думаю я. — Такая молоденькая и такая стойкая. Она сама не плачет. А у нее остался десятимесячный ребенок совсем один. У нее самой совсем детский вид».

— Как там наша Вера Калинина? — грустно говорит Мария Григорьевна. — Как бы узнать,

С мужем Яном Полуяном в Форосе

кто у нее – девочка или мальчик? Как больно, обидно, рожать ребенка в тюрьме!

Мария Григорьевна неразговорчива и мрачна. Ее младший грудной сын остался на руках больной сестры. Она вызывала врача в ту минуту, когда ее пригласили в НКВД «на полчаса». Своим материнским сердцем она сейчас с Верой Калининой, с которой только что свела нас здесь судьба. У Веры сегодня начались роды.

Пятый наш товарищ по камере – Анечка Пугач. Молодая, синеглазая, русоволосая, с горячим румянцем. В тюрьму ее привезли из туберкулезной больницы, где вскрывали грудную клетку, оперировали легкое. Она шутивая, насмешлива. То и дело слышится ее смех. Она выглядит здоровой и яркой. Только бледные, потные, трясущиеся руки говорят о том, как она больна.

Шестая – Маша Гольдберг. Прихрамывая, шагает вслед за Ниной по камере. Она хоть и держится хорошо, но заметно, что черпает поддержку в Нинином оптимизме. Муж ее и она – работники московского комитета партии. Мужа арестовали летом. Дома – двое ребятишек со старенькой матерью. Что-то в ней есть. В ее темных глазах – и детская наивность, и родниковая чистота веры, что все прояснится. Она так же легко поддается шуткам Ани, как и мрачному пессимизму Марии Григорьевны, и сердечно отзывается на все, что происходит в камере.

Я чувствую поддержку всех

пятерых и держусь изо всех сил...

– С вещами! Собраться!

Что началось в камере! Ликование, поцелуи! Наконец домой! Мы собрались мигом. Домой, домой! Я ошупываю грудь – молока нет, на мгновение слезы выступают на моих глазах, но радость возвращения домой мгновенно их тушит.

– Построиться парами!

И снова длинный коридор. Путь наш радостен и легкий, и мы не заботимся, что идем очень долго. Дверь – и мы быстро проходим огромный зал, в середине которого стол и за столом кто-то. Нас проводят в дверь направо.

Какое странное зрелище встречает нас за этой дверью. Мы прижимаемся группой к ближней к двери стене. Перед нами молча стоят, лежат, сидят на скамейках в летних платьях, осенних плащах и тюремных бушлатах женщины разных возрастов. Одежда на всех изношена, но заметны прежние изящество и добротность. Под многими бушлатами видны остатки дорогих платьев. Все молчат. Молчим и мы. Из-за двери поочередно выкрикивают фамилии. Выходят по одной.

Вот и моя. Я выхожу, и конвоир подводит меня к столу посередине зала. Сотрудник НКВД протягивает мне бумагу. Я беру ее в руки, сквозь туман в глазах и сознании пытаюсь рассмотреть. Ничего не вижу. Какие-то восемь лет.

– Распишитесь!

Я расписываюсь.

– Отходите! – Конвоир креп-

ко берет меня за руку и отводит от стола.

– Но я ничего не успела прочесть! Дайте ту бумагу, на которой я расписалась, я прочту ее.

– Это неважно. Идите!

Он проводит меня через весь зал в дверь налево и запикивает в битком набитую узкую комнату. Между дверью и толпой женщин, тесно прижавшихся друг к другу, уже совершенно не остается пространства. Все из нашей камеры, кроме Веры Калининой, уже здесь. Тишина гробовая. Все объята ужасом. Словно по уговору, кажется, что если прорвись чей-нибудь крик или даже вздох, то все сойдут с ума.

Открывается дверь, и из-под руки конвоира, придерживающего дверь в камеру, заглядывает маленькая старушка. На мгновение она замирает у порога, а затем, как-то легко повернувшись, ускользает назад.

– Здесь слишком тесно, я сюда не пойду!

И точно серый воробышек, маленькая и легкая, она побежала от конвоира по огромному залу. Растерявшись, конвоир оставил открытой дверь и стал ловить старушку. На помощь ему вышел из-за своего стола чиновник. В нашей камере никто не улыбался, не отозвался ни словом на эту сцену. Все были охвачены единым чувством отчаяния. Старушку поймали, захихнули к нам, закрыли дверь. Все, и она, молчали.

Через несколько минут дверь снова открылась.

– Выходи десять человек! Строиться по двое!

Прижимаясь друг к другу, боясь разъединиться, вышла вся наша шестерка, с нами старушка и еще три женщины. Впереди конвоир. Он быстро ведет нас по коридору. Старушка старается держаться сзади. Мы проходим мимо дверей многих камер. Старушка подбегает к глазку какой-то камеры и громким шепотом быстро сообщает:

– Я получила высылку!

Затем, как маленькая школьница, догоняет нашу группу. Мы долго еще идем. Наконец останавливаемся возле камеры, конвоир открывает дверь и впускает нас внутрь...

НА ПРОПОЛКУ

Встает заря. Какое небо!
Не отвести плененный взгляд!
Возьми свою котомку с хлебом
И становись в нестройный ряд.

Уже разведены ворота.
Иди за пестрою толпой!
Желанный, необъятный – вот он,
Открыт простор перед тобой...
1938, лагерь

ДОЧЕРИ НИНЕ

Казахстанское небо опять голубое.
Я иду одиноко по талому льду.
Я и эту встречаю весну не с тобою,
По весенним просторам с тобой не пройду.
Зашумят ветерки над колючей оградой,
Пробужденная, прямо запахнет земля,
Зацветут напоенные вешней прохладой,
Оживленные солнцем степные поля.
Но и ясное небо не красит неволи,
И под солнцем весенним она не красна.
Оттого мне так грустно, несказанно больно,
Что твоя без меня расцветает весна.
Отшумят ветерки над колючей оградой,
Золотистое солнце уйдет и придет...
Но ко мне не вернется, меня не порадует
Кареглазой дочурки семнадцатый год.
1940, Казахстан

СЫНУ ЮРЕ

В тревоге сердце бьется горячей,
И в ненависти – путь единый:
На смерть врагам, на гибель палачей
Я шлю тебе единственного сына.

И сердцем любящим всегда с тобой,
С тобой иду по вражескому следу –
И в тот горячий смертный бой,
Что принесет стране победу.
1942, Казахстан

Слава Степнов

ЗАПИСКИ МИГРАНТА

Из книги «Буковки, не провалившиеся в щель»

— Слава СТЕПНОВ

Слава Степнов родился в Керчи, окончил ГИТИС, работал в русских театрах Мордовии и Грузии. С 1995 года живет и работает в США. Многонациональная труппа основанного им почти 30 лет назад STEPS Theatre играет на сцене в Бруклине спектакли на русском, английском и испанском языках. Постановки Славы Степнова видели зрители США, Латинской Америки, Европы, Новой Зеландии, России.

СЛЕДЫ ГЕРТРУДЫ

Эта дорога не заслуживает внимания туристов. Путь короткий, суетливый, нервный.

Мегаполис стоит на нескольких островах, и нужно переехать с одного острова на другой: из Бруклина в Манхэттен. На карте города это выглядит так: от станции метро Ditmas до остановки West 4 Street. Именно там, в Гринич-Виллидже, мы арендуем зал Filip Coltoff Centre, в котором уже много лет играем свои спектакли.

На машине путь туда короче, но суетливее. Дорога по шоссе, если нет пробок, занимает пятнадцать минут — путешествие

скоротечно, как жизнь бабочки. Не успел промчаться по эстакаде Белт-Парквей в Бруклине, и ты уже около мостов на Манхэттен. Мелькающие картинки за окном — словно стеклышки в поломанном детском калейдоскопе. Они не складываются в целое, не дают полноты впечатлений. В таком темпе и за столь короткое время никак не успеваешь, например, разглядеть городские пейзажи...

Кроме того, в Гринич-Виллидже всегда существуют проблемы с парковкой. Иногда кажется, что там, в засаде, за углом, засели все полицейские Нью-Йорка и, как хищники, под-

жидают тебя, чтобы незамедлительно всучить штраф...

Если ехать в метро, дорога берет минут 30-35 — столько занимает путь в городском сабвее, но я не люблю ездить в метро. Откровенная жизнь подземки озадачивает. Она грохочет во всей красе круглосуточно. Метро раздражает своим «натурализмом»: дурными запахами, количеством сумасшедших, грязью и шумом. Единственная, пожалуй, радость — кондиционеры в вагонах и бродячие музыканты почти на каждой крупной станции, да и в вагоне поезда, отгородившись от всех книгой или газетой, можно почитать, с пользой проведя время.

Нью-Йоркское метро как неухоженный, старый памятник: стоит более ста лет, но его не замечают или относятся к нему снисходительно. Метро «мелковато» — больше смахивает на штатную электричку.

Дочь, когда была в возрасте тинейджера, несколько раз предлагала мне преодолеть это расстояние пешком. У нее был свой проверенный маршрут: мимо Парк-Слоуп, а затем через Бруклинский мост. Такое путешествие богато разнообразием, но это уж слишком длинная дорога, можно перенасытиться впечатлениями. Такая прогулка, пожалуй, по силам только в молодые годы...

Однако, когда наконец вы доберетесь в Гринич-Виллидж, то получите море удовольствия. В Нью-Йорке Гринич-Виллидж называют центром «некоммерческой культуры». Он еще носит неофициальное название «уголок геев». На самом деле это прежде всего старая часть города, где находится много маленьких театров, экзотических магазинчиков, музыкальных клубов, несколько университетов и огромное количество ресторанов и кафе. Здесь всегда многолюдно, молодежно, разноцветно — район небогатых интеллектуалов и амбициозных студентов. Этот люд, сбиваясь в кучки, чтобы разделить высокий рент за проживание, расселяется коммунами в маленьких квартирках старых домов — в тесноте, но зато престижно...

Здесь повсюду уходящая аура прошлого: кривые улоч-

ки, скверы, барельефы, кое-где даже булыжник на мостовой. Говорят, при желании на этих булыжниках можно найти следы О'Генри, Миллера, Гертруды Стайн, Элиота и Паунда. Кстати, в Гринич-Виллидже, на улице Мортон, поэт Бродский прожил свои последние четырнадцать лет...

Труд писателя – высшая форма «частного предпринимательства». Никаких коллективных усилий. Инструменты автора: он сам, ручка, бумага, пишущая машинка или компьютер. Увидел, сел, подумал, написал. Организация процесса проста. Правда, нужен еще письменный стол, но некоторые замечательно обходятся без него...

И все-таки это коварное и трудное занятие. На самом деле, как писателю-горемыке рассказать о том, что тревожит? При помощи букв, трочек и запятых. Как сложить разные черненькие буквы так, чтобы текст получился содержательным и «густым», словно это «поток меда», а не вода из-под крана? Как, используя простые слова, честно пройти лабиринт из собственных глупостей и заблуждений? Всегда есть искушение «чуть-чуть поддать жару», показаться лучше и интереснее, чем ты есть на самом деле. Вот и сейчас так и хочется сразу заявить что-нибудь неожиданное. Например: мечтал создать свой театр в Москве, однако сумел сделать это только в Нью-Йорке. Правда – красиво!..

А если серьезно, то вот уже сорок с лишним лет, занимаясь театром, я наконец понял, что работаю «председателем кибуца или колхоза». Вокруг тебя всегда уйма народу. Амбиции, симпатии, гении, благотворители, негласные правила, официальные законы, профсоюзы, интриги, интересы – все превращается в одну гремучую смесь, которую надо осторожно, «не взбалтывая», достаточно продолжительное время размешивать. В любой момент эта субстанция может «взорваться».

Когда в театре дело имеешь с представителями разных национальностей, задача усложняется. Скрытые «подводные камни» чужой ментальности

в одночасье могут перевернуть тяжелый корабль «общего сочинения». Соединить в творческом процессе высокомерных англосаксов, обидчивых латинос, темпераментных иудеев, медлительных афроамериканцев, необязательных славян не просто. Подчинить единой воле национальную пестроту – задача сродни принятию «мировой конституции». В контексте таких отношений много побочных эффектов, часто курьезных. Например, в процессе выяснения спорных вопросов можно схитрить и что-то списать на «трудности перевода». Или в частной беседе сделать вид, что не понял, не услышал какой-нибудь глупости, и тем самым мгновенно нейтрализовать ее...

Театр не может делать один человек, а значит, сразу возникает вопрос сотворчества – этакая утопическая мечта об идеальной дружбе. В театре мало окружить себя «профи», надо, чтобы они еще и влюбились друг в друга.

Здесь как в неожиданной страсти: между любовниками должна произойти «химическая реакция», надо найти «формулу любви». Если прозеваешь хотя бы одного «чужого», может все пойти наперекосяк.

В самом начале моей американской жизни молодой артист, которому я часто делал замечания, через какое-то время стал воспринимать их достаточно болезненно. В отместку у меня за спиной он принялся уговаривать всех участников проекта жестко поставить передо мной вопрос: коммунист я или нет. В репетиционных дискуссиях он как бы невзначай – так ему казалось –

пытался выяснить мое отношение к тоталитарной системе вообще и к Сталину в частности. С артистом все понятно, он хорошо учился в американской школе, но и я не справился со своей задачей. Не смог в период «отбора» увидеть что-то чужое и глупое в этом человеке. Получается, он перехитрил меня.

В театре в отборе артистов в этом смысле может быть много подмены и «обмана». Например, «кастинг» – уязвимое звено американского спектакля. Здесь нет постоянных трупп. В ходу скоротечные театральные связи. Актерский алгоритм: собрались, сыграли, разбежались. Пару раз в год, хочешь не хочешь, а надо выбрать «нового друга», «новую жену», «нового родителя». Здесь общий спектакль – это еще не повод для дружеских отношений.

В Нью-Йорке существует «индустрия кастинга». Агентства, специальные газеты, интернет-сайты... Однако такое разнообразие не гарантирует режиссера от промахов, наоборот, на этом пути встречаются такие фокусы, что диву даешься. Для молодых актеров существуют специальные платные классы: «как успешно пройти кастинг». Молодежь платит деньги и учится.

В этом нет ничего плохого, если опытные «старшие товарищи» помогают выбирать и читать монологи, играть отрывки из пьес, но часто это приобретает форму дрессуры, и только.

В этом бизнесе странностей хватает. Например, есть правила поведения: во время чтения монолога не смотреть в глаза

режиссеру. Лучше всего, если твой взгляд идет поверх головы или в сторону. Надо заботиться о душевном комфорте будущего шефа. Нельзя с режиссером вступать в открытый контакт — его можно потревожить, а это — дурной тон.

Деликатность — дело хорошее, но в американской версии она больше смахивает на любовь с презервативом.

МЕСТНОСТЬ БЛИЗ РАЯ

Ловить бычки я научился с малолетства. Дело простое: накопать червей, закинуть в море несколько удочек — процесс увлекательный, прожорливая рыба клюет без перебоя — успевай вытаскивать. Главное, знать места...

Торговать бычками — уже сложнее. Это тоже пробовал. В моем городе бычками торговали на каждом углу. Фасовали «десятками». Раскладывали на газете, по горсткам. Маленькие — по одной цене. Большие — по другой. Сверху накрывали мокрой тряпочкой, чтобы спрятать рыбу от мух и дольше сохранить на солнце.

Бычки — рыба древняя. Может быть, называлась она как-то иначе, но ловили ее люди, населяющие эти края, еще задолго до Рождества Христова.

Говорят, греки основали мой город. Наверное, понача-

лу поселение не было городом, так — случайные наземные и подземные жилища. Позднее появились дома и дворцы с античными колоннами, улицы, вымощенные белым ракушечником, базар, где торговали всякой южной живностью... Постепенно колония древних греков на горе Митридат стала столицей Боспорского царства — Пантикапеем. Значение этого слова не совсем понятно. Существует версия, что произошло оно из древнеиранского и переводится как «рыбный путь»; или из греческого — и означает «все в садах». Скорее всего, первоначальное иранское слово «пантикапа» (рыбный путь) было переосмыслено греками по-своему — оно стало звучать как «Пантикапей». Но, так или иначе, все сходится: мой город — это рыба в море, сады с виноградниками на суше, белые катакомбы ракушечного камня под землей, а вокруг — солнце и особый полынный запах ветра...

Сейчас город называется Керчь, и стоит он как-то особняком от прочего «курортного рая» Южного бережья. Здесь нет гламура и сочных тонов. Рельеф не поражает «горным размахом». Это — «местность близ рая». Чуть ли не дикий, пустынный и какой-то несовершенный пейзаж с редкими и седыми от времени валунами.

Наверное, поэтому мои воспоминания детства раскрашены какими-то неяркими красками. Например: летний пляж с влажным песком серо-лимонного цвета, с выцветшими «купальными грибочками» от солнца... «Темное золото» кортиков у морских офицеров... Мягкие, когда-то белые праздничные офицерские мундиры... Косяки хамсы цвета потемневшего серебра в мутно-зеленоватой воде...

Именно тогда, словно впервые, я увидел, как грязновато-красное солнце встает из-за моря — огромное и неторопливое. Солнце медленно карабкалось по глиняному склону вверх. Так же медленно приходило осознание, что на свете все очень просто: рождение — смерть, день — ночь, добро — зло... Тогда я впервые понял, что существует «нечто» во много раз сильнее и важнее меня, а самое главное — неотвратимое и бесконечное...

ДИКТАТУРА НЬЮ-ЙОРКА

Пару дней суеты по государственным офисам — и театр готов. Вернее, существует бумага о том, что «театр — есть».

В Америке заявить об открытии театра ничего не стоит. Все очень обыденно. Собрал несколько бумажек, зарегистрировался, открыл счет в банке — и вперед. Сейчас не могу даже припомнить это мгновение — эту «точку отсчета». Помню лишь старинный, величественный зал архива в нью-йоркской мэрии. Под строгим взглядом служащей-афроамериканки листаю какие-то древние фолианты, чтобы убедиться: название моего театра единственное — бренд не может иметь «двойников».

Чернокожая красавица служебно умиляется, всячески выказывая симпатии моей затее. Поздравляет меня с открытием, не догадываясь, что свой театр я создал уже давно. Во всяком случае, не здесь и не сейчас.

Скорее всего, случилось это очень далеко отсюда, на керченском пляже, когда меня, пацана с улицы, заметили работники кино съемочной группы. В Крыму снимали телевизионный фильм. Искли типажи. Я им приглянулся. Ут-

вердили на роль.

С этого момента «отрава творчества» начала медленно входить в меня. Была возможность застрять в «киношных мальчиках». Были еще предложения сниматься в кино. К счастью, это не стало основным занятием. Старшие товарищи вовремя подсказали. Закончил школу. Семья переехала жить в Сибирь.

Сразу не поступил в театральный институт. Начал работать в Омской драме. Грузил и монтировал декорации к спектаклям. Там забил свой первый гвоздь в сцену. Там начался мой театр...

«Черная кошечка» мэрии быстро сделала свою работу – выдала красивую, с гербами и водяными знаками, официальную бумагу об открытии.

Компания STEPS была основана осенью 1997 года.

Чехов, Байрон, Олби, Набоков, Пиранделло, Кортасар, Вампилов, Шмитт, Пушкин – авторы театра. Америка, Латинская Америка, Западная и Восточная Европа, Новая Зеландия, Россия, международные театральные фестивали – места, где можно увидеть наши спектакли.

STEPS – это «маленький» нью-йоркский театр, который играет свои спектакли на разных языках. Компания «мультикультурной концепции». Звучит красиво и интригует, но в этом не было просчитанной стратегии. Получилось само собой. В самом начале в процессе работы к нам, эмигрантам, стали приходить другие эмигранты. Собрался круг людей из разных стран. Жизнь неожиданно предложила свое решение. Спектакли начали играть сначала на английском, а потом на русском и испанском языках. Разноликий, разноязыкий город продиктовал нам свои условия.

ДУРНОЙ ПРОХОЖИЙ

Каждый год перед глазами проходит длинная вереница лиц. Молодые люди предлагают свои услуги в разных областях театра. Вот только что из воздуха материализовалась симпатичная девушка. Судя по резюме, хороший менеджер. Владеет двумя языками. Приехала из Израиля.

Там увидела передачу о нашем театре по телевидению и сразу решила связаться с нами. Масса «проектов», много энергии и прочее, прочее, прочее... В таких случаях у меня всегда одно условие – испытательный срок. Не все могут пройти его. Например, эта девушка. Она как неожиданно появилась, так неожиданно исчезла. Я – фаталист, уверен, что остаются те, кто должен остаться. Понятно, что театр не может делать один человек. Возникает вопрос сотворчества – такая утопическая идея счастливой семьи, основанная на любви, верности, бескорыстии. Сотворчество – титаническая работа. Нужны усилия, мудрость, терпение.

Хороший спектакль начинается с «хороших людей». Верные взаимоотношения и слаженная работа всех частей будущего проекта – залог успеха. Но среди молодых редко встречаешь понимание, что, например, терпение многое значит. Современные молодые люди одержимы страстью «количества». Они косятся из компании в компанию, набирая число. Они практичны и больше заняты собой, своей карьерой, чем «качеством». У молодых есть убеждение, что способность заявить о себе важнее таланта. Самое главное – заявить быстро, громко и чтобы все услышали. Они склонны выбирать кратчайший путь. Это – «родовой грех» потребления. Причем не только среди актеров.

Мне кажется, подобные «рыночные установки» только вредят начинающим.

По молодости об этом мало задумываешься. Беспокоят собственная значимость, деньги, мгновенный успех и монетизация его, и в этом – тупик. Молодые не понимают, что все, что соприкасается с темой «рынка» – идеи, люди, искусство, дружба, любовь, – становится «вещью», которую можно купить. Уходит главный смысл театра, как говорил Станиславский, – «жизнь человеческого духа». Исповедь с самим собой, с людьми и с Богом.

Пусть это звучит пафосно, но театр, которым я занимаюсь, именно такой природы. Театр для меня – особый вид диало-

га. С партнером, со зрителем. Театр без диалога невозможен, потому что диалог – это, по сути, чисто драматургическая форма. В театре и монолог – это тоже диалог. Надо научиться слушать, слышать, видеть. Научиться отвечать. Вопрос качества оказывается решающим.

Мне нравится сравнивать плохой театр со случайным прохожим, который вдруг вступает с вами в разговор, но несет какую-то околесицу, размахивает руками, пафосно вопит. Думаю, у вас будет одно лишь желание: как можно скорее уйти от такого собеседника.

АКВАРИУМ С РЫБКАМИ

Керчь – город маленький. «Центром» города является гора Митридат. На горе – развалины Пантикапея, в прошлом сильнейшего полиса Боспора. Ныне руины древнего города – одна из главных достопримечательностей Керчи. Археологические раскопки ведутся в самой верхней точке горы Митридат. Именно там тысячелетия назад появились первые поселения, а затем вырос акрополь.

На гору ведет лестница в 421 ступень, с грифонами. Лестница – главная архитектурная достопримечательность города.

У начала лестницы справа стоит здание бывшей керченской гимназии. Сейчас там школа, но здание было построено в XIX веке. Оно целиком из местного камня – белого ракушечника.

Я родился в этом районе. Первые годы жизни прожил в нескольких сотнях метров от начала Митридатской лестницы. В плотно заселенном двухэтажном доме с деревянными балконами, буквой «П», в середине которого был малюсенький зеленый крымский дворик, увитый виноградом. Посреди двора росла шелковица. Есть старая, мутная фотография: я стою во дворе, в черной фуфайке, окутанный серым пуховым платком, и читаю стихи.

Дядя Валя очень любил, когда я взбирался на табурет около этой шелковицы и декламировал для всей честной компании: «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью, куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою...»

В особо трогательных местах дядя Валя плакал. У него был длинный нос и длинные руки. Его звали Буратино. Он был человеком ровно наполовину. То есть он был без ног – одно туловище. Он всегда сидел на плоской дощечке, покрытой войлоком, на колесиках. Когда по праздникам случались драки, дядя Валя принимал самое активное участие, но своим особым способом: хватал за ноги и валил противника на пол, а затем кусал дерущихся. Бабушка говорила, что у Вали ноги отрезало поездом. Он мальчишкой во время войны на железнодорожных путях собирал уголь и попал под поезд.

Еще помню, в нашем доме жили баба Лета и дедушка Абраша. Они нам как родные, говорила бабушка Фрося, потому что в эвакуации, в Казахстане, наши семьи жили вместе. Не знаю, что значит «быть» в эвакуации, а затем вернуться, но тогда прошло не так много времени после окончания войны, и у взрослых еще были живы эти военные воспоминания, и они охотно делились ими. Время было не очень сытое. Иногда баба Лета подкармливала меня, а дедушка Абраша учил жизни. Помню необыкновенный вкус форшмака и степенные наставления дедушки Абраши: Слава, не будь босяком...

Сейчас этих людей уже нет. От дворака осталась лишь небольшая площадка, мощенная булыжниками. На месте дома – ресторан. Большой, красивый, в два этажа. Вместо шелковицы огромный круглый аквариум с рыбками...

КАЗУСЫ И ТРАГЕДИИ

Говорят, что эмиграция в середине жизни – беда, мол, надо эмигрировать молодым. Когда я приехал в Новый Свет, мне было около сорока. Сейчас пытаюсь восстановить все в памяти, однако никакой особой «беда» не припомню. Наоборот: сплошной ряд интереснейших открытий.

Самое начало эмиграции чрезвычайно насыщено событиями. Некогда было думать о «беде». Предстояло изучить много нового в «иностранной» жизни. Я захлебывался от исследовательской страсти к другим «иностранным» порядкам и людям. Нравы, продукты, кухня, женщины... Даже правила дорожного движения – все другое.

До сих пор не могу забыть, как в Луисвилле, в первые дни работы в Актерском театре, во время репетиции, размышляя вслух, скорее для себя, обронил, что хорошо, если бы в этой сцене телефонный звонок звучал не по «первому плану», а из глубины... Сказал – и забыл.

На следующий день, когда звонок начал трезвонить из глубины, моему изумлению не было предела. Ведь я никому из «технарей» не давал прямого задания. Они, оказывается, все фиксировали за мной...

Потом я долго еще шутил, что в таких условиях в работе пропадает нечто волнующее, неожиданное, конфликтное. Мою шутку не понимали.

Здесь театр – это место, где делают спектакли. Это – «завод». Не «театр-дом-семья», где можно долго и вяло по-родственному выяснять: «Ты меня уважаешь?»

Годами репетировать и спорить, кто талантливее. В Америке все решают время и деньги. Такая философия театра была в диковинку, но к этому надо было привыкать.

Или: помню, однажды на кастинг ко мне пришел известный пожилой актер, в руках держа стакан виски со льдом – на первом этаже здания работал бар. Я оторопел от такого нахальства. Сам не ангел в этих вопросах, я вскипел праведным гневом «строителя коммунизма» с его «моральным кодексом». Впору было срочно собирать профсоюзное собрание и посчитать этого нерадивого артиста. Слава богу, хватило ума сделать вид, что для меня это в порядке вещей. Только потом я понял, что здесь не принято общественно порицать подобные вольности. Это – дело частное.

Чуть позже этот «нахальный» артист замечательно сыграл в моем спектакле по Шолом-Алейхему. Он оказался человеком серьезным и ответственным. Мы подружились.

Любое обобщение скрывает опасность. Америку как государство сочинили англосаксы. В этом симбиозе много что намешано. В этой «конструкции» казусов и трагедий хватает, но американец всем строем жизни приучен видеть лишь положительные стороны окружающего. Можно к этому относиться по-разному. Можно не воспринимать всерьез. Однако для человека со стороны в этом есть некая пугающая тотальная инфантильность.

Или: классическое «американское» лицемерие. Ритуал улыбаться людям на улице. Это – сладкая красота, проходной стандарт. Маска доброжелательности вместо импульсивной выразительности лица. В таком длящемся процессе мало «живого инстинкта». Только один стереотип...

Эмиграция – это не беда, это больше похоже на авантюру, где неожиданные события и новые смыслы неизбежны. Может быть, не все они несут положительный заряд. Некоторые случаются и со скорбным фоном, например, как путешествие Каина под предводительством Люцифера в «межзвездные сферы» и «царство смерти»...

Шудра берет мяч!

ШУДРА БЕРЕТ МЯЧ!

■ Омар ШУДРА

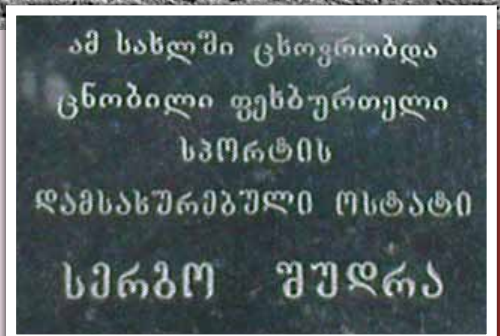
Довольно часто, выходя из подъезда нашего дома №23 по улице Цинамдзгвришвили, я встречаю группу туристов, стоящих у мемориальной доски моего отца. Гид (скорее всего, любитель, как это часто бывает) самоуверенно рассказывает группе, кем был Сергей Шудра, и под конец, отвечая на вопросы, упоминает, что победа тбилисского «Динамо» в чемпионате СССР в 1964 году – это его заслуга. Я, разумеется, не в силах промолчать и вмешиваюсь, разъясняя, что Шудра стоял в динамовских воротах раньше, до 1951 года, в команде Бориса Пайчадзе.

Гид, по-моему, остался доволен неожиданным комментарием, так кстати оживившим экскурсию.

Отец Сергея Шудра, Петр Сергеевич, родился в 1877 г. на Галичине. В конце XIX века из-за экономического кризиса Галичина по смертности заняла первое место в Европе. Еще в 1888 году депутат сейма и имперского парламента С. Щепанский писал, что в среднем галичане питаются хуже, чем обитатели английских приютов для нищих, и положение жителей в этом отношении является совершенно бедственным. Количество и качество питания галичан было недостаточным не только для воспроизводства рабочей силы, но и для поддержания здоровья и жизни. Галичина давала наибольший процент людей, непригодных к военной службе.

В 1890 г. сотни тысяч украинцев эмигрировали в Канаду, США, Австрию и другие страны. Скорее всего, двадцатилетний Петр оказался в Тбилиси тоже на волне эмиграции.

Талантливый слесарь, плотник, мастер на все руки, он начал работать преподавателем труда в знаменитой первой сельскохозяйственной школе у Ильи Цинамдзгвришвили. Школа была открыта в 1883 г. в селе Цинамдзврианткари близ Сагурамо. Здесь преподавали садоводство, виноградарство, шелководство, лесное хозяйство, а также виноделие и пчеловодство. Кроме теории, обучение включало в себя и практические занятия. В школу приезжали учиться со всей страны, и она

имела такое важное значение для Грузии тех лет, что на ежегодных экзаменах в разные годы присутствовали И. Чавчавадзе, Я. Гогебашвили, Р. Эристави, Е. Габашвили и другие видные деятели.

Учеником Петра был будущий писатель Михаил Джавахишвили, в те годы – Адамашвили из Болниси. Вежливый трудолюбивый парень, он уже тогда писал стихи и небольшие рассказы.

По традиции, 20 июля (по старому стилю), в день ангела Ильи – Илияоба, ученики школы навещали Чавчавадзе с подарками, изготовленными в мастерских Петра Шудра. Экскурсоводы дома-музея И. Чавчавадзе даже попросили меня дать более полные сведения о биографии Петра Шудра, и мы передали в дар музею оригиналы всех документов, хранившихся в семье, вплоть до метрики.

После трагической гибели Ильи Чавчавадзе в 1907 г., на месте его убийства П. Шудра установил большой деревянный крест. В 1937-м именно

Сергей Шудра с супругой

этот крест, всеми забытый, прогнивший, затерявшийся в диком кустарнике, помог властям определить место для установки памятной каменной стелы, которая стоит и по сей день.

В 1911 г. односельчане познакомили Петра с молодой Лизой Окропиридзе из Тбилиси. Молодые люди понравились друг другу, поженились. В счастливом браке родились трое детей. Сережа был старшим. Он учился во второй трудовой школе в Тбилиси. Жил у тети в районе Кукия. В село ходил пешком через гору Зедзени, транспорта не было. Помогал в хозяйстве – убирал хлеб «комбайном», собранным отцом, где в роли двигателя выступали волю. В период жатвы отдыхал от зноя в тени одиноких деревьев, перекусывая вместе с крестьянами.

Лиза была энергичной, общительной, помогала школьным учителям – угощала обедами преподавателей-холостяков, обожала вечерние чаепития, общение с местной интеллигенцией. Очевидно, по этой причине младшего сына Важа-Пшавела, Левана, оставили именно на ее попечение. Он жил у Лизы с сентября по январь. Потом, как все, поехал на каникулы к себе, в Чаргали. Долго болел, да так там и остался.

На похороны Лизы гениаль-

ный декоратор Михаил Мамулашвили (еще один ученик Петра) прислал огромный, самый красивый венок.

Серго было 20 лет, когда от пищевого отравления неожиданно умер отец. Заслуженного учителя похоронили в центре села.

Мать и двое братьев оказались на попечении Серго. Несмотря на бытовые трудности, в 1934 г. Серго окончил Тбилисский автодорожный техникум. Одновременно играл в разных заводских командах, а в 1935 г. стал вратарем популярной команды «Локомотив». В 1939-м окончил Институт физкультуры и начал преподавать в Тбилисском артиллерийском училище (ТАУ). Женится на Тамаре Гачиладзе, филологе, специализирующейся по кавказским языкам. До моего появления на свет в 1942 г. она работала в системе АН ГССР.

В тбилисском «Динамо» С. Шудра играл в 1943-1951 годах. Всего провел до 70 матчей, из них 45 – в играх Всесоюзного чемпионата. Участвовал в международных играх – Тегеран, 1944 г., Бухарест, 1945 г. В 1946 и 1947 гг. команда «Динамо» Тбилиси стала бронзовым призером чемпионата СССР. «Смелый и надежный, хорошо выбирал место в воротах, обладал быстрой реакцией», – писал о нем И. Богданов в книге «Сто лет российскому футболу», изданной в 1997 году в Москве.

Наша семья была особенно близка с семьей Бориса Пайчадзе. В послевоенные годы летом и зимой вместе мы вме-

сте отдыхали в Коджори (в те годы там отдыхать было не так «модно», как сейчас). Помню, ехали на огромном трофейном грузовике, сидя на матрасах, баулах. Запомнился водитель – высокий, худой пленный немец Виктор.

Пайчадзе, можно сказать, был моим кумиром. Блестящий спортсмен, эрудит, чрезвычайно начитанный человек. Если бы футбол не стал делом его жизни, то Борис Соломонович стал бы председателем Совета министров, я в этом не сомневаюсь.

С 1948 года Сергей Шудра – Заслуженный мастер спорта СССР. Команду курировал большой любитель футбола (и спорта) – всеильный Берия. Тбилисский стадион носил тогда имя Берия. Под его покровительством в голодные военные годы футболисты «Динамо» даже имели возможность помогать продуктами своим родственникам. Берия подарил футболистам коротковолновые радиоприемники, запрещенные в то время. «Динамовцы» получали очень дефицитные тогда квартиры. Так, мой отец (семейный, двое детей) в зените славы (он получал из Москвы «пакет» дополнительной зарплаты, его фотографии продавались в киосках), в 1949 году, получил квартиру известного академика-невропатолога Петра Сараджишвили: две проходные комнаты с общей кухней и удобствами в итальянском дворе в районе Плеханова. В этой истории удивляет и то, что вторую комнату оформили на холостого в то время «Басу» (Автандила)

Старший лейтенант С. Шудра – тренер пограничников

Гогоберидзе, знаменитого нападающего. Но он, человек деликатный, так и не переехал к нам, остался жить в гостинице.

До этого мы жили в доме железнодорожников у Демертирского рынка. В огромном дворе этого дома ученик (и уже коллега) отца, Владимир Маргания, учил меня ездить на велосипеде... В 1951 году, в возрасте 38 лет, Сергей Шудра окончательно уступил ему ворота «Динамо». Переживал ужасно. Почти каждый день часами сидел на пустых трибунах стадиона и курил.

Однако вскоре ему предложили тренировать футбольную команду пограничников ЗАКВО. И в течение нескольких лет в летние месяцы мы вместе с командой добирались на теплоходе «Грузия» (или «Россия», или «Петр Первый») из Батуми до Анапы, жили и питались в Морской школе, сопровождали футболистов на товарищеские матчи в соседние станицы Кубани.

Отец много занимался с юным вратарем команды Резо Чичинадзе (впоследствии работавшим даже в Кремле – зав. канц. Брежнева, братом красавицы артистки Додо Чичинадзе, отцом известного дирижера Гоги Чичинадзе).

В 1954-56 гг. отец тренировал вратарей 35-ой футбольной школы. В Бакуриани летом мы с братом тоже ходили на тренировки на стадион «Иагорас вели». Жили в гостинице «Динамо». Там же жила знаменитая укротительница тигров Маргарита Назарова. В Бакуриани тогда проходили натурные съемки фильма «Опасные тропы», и она была дублершей актрисы в сценах со своим знаменитым питомцем, бенгальским тигром Пуршем.

С 1955 г. Сергей Шудра – старший преподаватель кафедры спортигр Института физкультуры. Автор ряда научных трудов. В годы преподавания увлекся статистикой голов в международных матчах. На протяжении нескольких лет он, вооружившись секундомером и бумагой, смотрел телетрансляции. Опубликовал несколько оригинальных трудов в Тбилиси и Москве, и тогда это стало совершенно новым направле-

нием в теории футбола. Через много лет я узнал, что впервые компьютерную базу данных ORAKLE создали для решения именно этой задачи – статистики.

В последние годы жизни С. Шудра вел активную общественную работу, был членом президиума Федерации футбола.

Горожане любили отца – высокого, красивого, всегда в шляпе и галстук, порядочного и скромного человека. Куда бы он ни зашел по делу (в исполком или больницу, институт или милицию), сотрудники, бросив все свои дела, сразу обступали его, чтобы обсудить футбольные новости.

Как я уже упоминал, в 1951 году отец уступил место основного вратаря Владимиру Маргания, очень одаренному спортсмену, трагически погибшему в автокатастрофе в 1958 году в возрасте 30 лет. И вот прошло около 50 лет, как отец оставил футбольное поле, и мой аспирант в Институте вычислительной математики, что рядом с Дворцом спорта, защищает диссертацию. Защита прошла успешно, и, как это обычно бывает, коллеги, члены ученого совета стали шумно меня поздравлять. И вдруг я слышу возглас академика Владимира Чавчанидзе, основоположника первого в СССР Института кибернетики: «Шудра берет мяч!» Это было неожиданно, прекрасно и очень лестно.

Отец был замечательным семьянином. Очень любил свою жену. Не имея ни дачи, ни машины, свободное время проводил дома или охотился в окрестностях Сагурамо. Заботился об образовании детей – мы с братом получили хорошее музыкальное образование по классу скрипки и фортепиано.

Мой младший брат Роберт – талантливый художник, архитектор, любимый ученик Героя Советского Союза, профессора ГПИ Ираклия Цицишвили. После нескольких лет работы в проектно-институте «Гипрогорстрой», его назначают главным архитектором г. Гагра. Элитный пансионат «Литфонд» в Пицунде – детище брата.

Умер отец неожиданно, в

Матч в Москве. 1940

январе 1983 года, от инфаркта. Ему было 69 лет. Похоронами занимался его друг – Борис Пайчадзе. Хоронили его из Института физкультуры под традиционный футбольный марш М. Блатнера. У многих были слезы на глазах. Но меня удивило, как безутешно рыдал футболист совершенно другого поколения – Давид Кипиани...

Через несколько лет после смерти отца, к нам домой, всю в ту же скромную двухкомнатную квартиру, как-то пришел профессор консерватории, знаменитый знаток футбола, рафинированный интеллигент Гулбат Торадзе. Он собирал материал для своей очередной книги о футболе. И вдруг во время беседы этот безупречно воспитанный интеллигент, поглядывая вокруг с некоторым удивлением, которое он тщетно пытался скрыть, встал, открыл, не спросив разрешения, дверь смежной комнатки, оглядел ее и взволнованно спросил: «Сергей жил в такой квартире?»

По-моему, этим все сказано.

ТЕАТР РОЖДАЕТСЯ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

■ **Нина ШАДУРИ**

В Армении прошел XXIII Международный театральный фестиваль Artmmono. В программу вошли 27 моноспектаклей из Армении, Германии, Грузии, Ирана, Польши, России, Румынии и Франции. В числе участников были сразу два грузинских режиссера: Левон Узунян, главный режиссер Тбилисского государственного армянского драмтеатра им. П. Адамяна, со спектаклем «Звезда, украшенная хаосом, или Пусть конец будет добрым» с участием Артура Хачояна (Франция) и Ражден Кервалишвили, художественный руководитель Лагодехского драматического и кукольного театра, представивший моноспектакль «Медея», заглавную роль в котором исполнила Мадона Шубитидзе.

в Армении актера Армена Кушкяна, который исполняет здесь 13 ролей! Перевоплощение мгновенное – одно движение, и уже новый персонаж. Очень интересная работа. У меня было ощущение, что на протяжении часа я и правда находился во временах Давида Сасунского. А международная программа началась как раз со спектакля Раждена – «Медея» Жана Ануя. **Ражден Кервалишвили:** Я впервые участвовал в Artmmono. Для «Медеи» это уже второй международный фестиваль – ранее мы показали спектакль в Белграде, на фестивале монодрамы и пантомимы. Мы представляли конкретно Лагодехский драматический театр, которым я руковожу четвертый год. Я бы сказал, что «Медея» – спектакль нашего национального типа. Что я хотел показать? Простую грузинскую женщину. Без всяких

Левон Узунян

Ражден Кервалишвили

– Левон, на какие спектакли вы, арммоновец со стажем, обратили внимание в этом году?

Левон Узунян: Программа была очень насыщенной, фестиваль проходил как в столице, так и в регионах. Разумеется, у нас не было возможности посмотреть все спектакли, но за несколько дней пребывания в Ереване удалось увидеть ряд интересных постановок. Расскажу по хронологическому порядку. Начну с Армана Матевосяна в спектакле «Эффект Элджернона-Гордона» по знаменитому произведению Дэниела Киза «Цветы для Элджернона». Как его только не

ставили! Это была, наверное, 15-я версия, которую я увидел на своем веку. Не скажу, что здесь придуман какой-то невероятный ход, но сделано было своеобразно, с оригинальным использованием языкового ресурса – армянский диалект, переходящий в армянский литературный. И этот прием вырастал в тему – стоит ли человеку отрывать от своих корней и отказываться от искренних эмоций? Второй раз на фестивале, уже вне конкурса, был представлен спектакль Нарине Григорян «Давид Сасунский» с участием очень популярного

мифологических, божественных и колдовских черт. Первую грузинскую эмигрантку в Греции. Женщину, которая пережила роковую любовь и стала ее жертвой. Показать ее быт, ее бытие. Бытие физическое. Что такое руно? Это баранья шкура. Кстати, руном в Грузии вымывали золото в золотоносных реках. И эту баранью шерсть я использовал как символ простого бытия Медеи, когда она, одинокая, брошенная и разбитая, сидит и занимается ремеслом где-то в пещере – прядет шерсть... Она сидит за работой, трудится и – вспоминает. И в этом малень-

ком промежутке времени проходит вся ее жизнь. Она прядет, вяет из шерсти нити, из нитей – веревку и в конце сплетает петлю. Но не заканчивает жизнь самоубийством. Потому что история о Медее продолжается, и она решает продолжать жить. Медея не может умереть.

– Откуда вообще такой интерес к этому персонажу? Несколько грузинских театров, один за другим, обратились к образу Медеи. Почему?

Р.К. Тут много чего сошлось. Золотое руно – это символ знания. Знание, которое греки фактически увезли из Колхиды. А Медея помогла европейцам добыть это знание, предав, по сути, свою семью. Дополнительный интерес вызывает и сама личность Медеи – она родоначальница медицины. Кроме того, интересна и ее женская судьба – любя-

ния – важный момент. Конечно, не на сознательном уровне, а на уровне подсознания. Я вообще уверен, что спектакль, если это хороший спектакль, это, прежде всего, какой-то подсознательный импульс, который идет от Всевышнего Разума и дается именно этому режиссеру, этой команде.

– Все-таки вы не ответили на вопрос. Почему именно сейчас появилось столько Медей?

Л.У. Хорошая драматургия появляется, исчезает и вновь появляется – волнами. Вот давно никто не ставил Гончарова. И вдруг пошла волна – «Обыкновенная история». Так же было с Гоголем. Вдруг пошли один за другим «Ревизоры». Была волна «Вишневого сада», куда ни помотришь – везде «Вишневый сад». Потом опять забывается. Надолго забывается, а затем по-

ста лет. Первый театральный кружок открылся в 1918 году. После прихода большевиков, когда произошла национализация театров, театр в Лагодехи уже существовал. На протяжении лет у нашего театра был разный статус – и колхозный, и народный, и государственный. В 50-х годах при драматическом театре открылся и кукольный. Многие известные актеры играли в нашем театре, и многие режиссеры приезжали ставить. Когда я пришел в Лагодехский театр, мне пришлось все начинать с нуля. У нас даже здания не было. Старое здание пришло в негодность, и нас перевели в кинотеатр. А там только голая сцена и экран. Я подал заявки на развитие театра. Нам профинансировали освещение. Потом – звуковую аппаратуру. В прошлом году Минкульт частично

«Медея»

«Звезда, украшенная хаосом, или Пусть конец будет добрым»

щей и любимой женщины, в итоге – брошенной и униженной.

– Но почему этот интерес активировался именно сейчас?

Р.К. Ну, не знаю. Видно, есть дефицит таких чувств, потребность в них.

Л.У. Соглашусь с Ражденом. Медея – это символ врачевания. А после пандемии тема врачевания стала вообще основной темой для человечества. Как и тема выживания. Потому что бушуют войны. Кроме того, идет активная война на поле природы, ее уничтожение. Сейчас мы увидели, насколько природа мстительна. И момент врачева-

является снова.

– Левон, а вы посмотрели «Медею»?

Л.У. Конечно. Зал был переполнен. Пришло очень много зрителей из грузинской диаспоры. Рядом со мной сидела женщина, которая уже с середины спектакля безостановочно плакала. Ее настолько зацепило, что она не могла остановиться.

Р.К. И в Белграде плакали. И в Македонии, куда мы поехали после Арммоно.

– А как вообще поживает ваш театр? Четыре года руководства – уже весомый срок...

Р.К. Лагодехскому театру более

профинансировал спектакль – я поставил «Блэз» Клода Манье.

– Зрители есть?

– Лагодехцы отвыкли от театра. Начинаю приучать заново. Раньше приходили, как в кино, с попкорном. Я с попкорном не впускаю. После начала спектакля дверь закрываю, и зрители знают, что опоздавший не сможет зайти в зал. У нас даже плакатик висит: «Приносим вам наши извинения за ваше опоздание». Люди потихоньку начинают тянуться в театр. И детские спектакли у нас идут, и кукольные. Я открыл театральный студию и учу детей не только актерскому

мастерству – стараюсь, чтобы они познали все. Недавно наша студия приняла участие в Тбилисском фестивале имени Гоги Тодадзе и фестивале «Дионис 2025» в Афинах – мы с успехом показали «Вдовы» Мрожека, в Афинах победили в двух номинациях – лучшая хореография и лучшая мужская роль. Сейчас с младшей группой ставлю «Блоха и муравей», полукукольный, полудраматический спектакль. Если честно, сложновато приходится. Муниципалитет, мэрия нам помогают, но этого недостаточно.

– От всего сердца желаю вам

лет назад в Ереване я видел его «Фауста». В таком же стиле – маски, пластика, специфическая музыка, световые и звуковые эффекты... Не скрою, тогда, пять лет назад, мне показалось, что молодой артист выпендривается. И я не придавал ему особенного значения. Но сейчас, когда после «Гамлета», понял, что это – именно авторский стиль. Это театр Мозгалева.

Р.К. Вместе со мной этот спектакль посмотрел мой сын. Ему 22 года, и ему очень понравилось, ему было интересно. И мне тоже. На мой взгляд, это Гамлет, попавший в чистилище.

Л.У. Посыла, подачи нет.

– А участие любителей не снижает уровень фестиваля?

Л.У. Нет. Потому что это тоже театр.

Р.К. Есть немало артистов без высшего театрального образования. Ипполитэ Хвичия, Георгий Шавгулидзе, Вахтанг Кикабидзе, Отар Коберидзе...

– Могу назвать и моего прадеда, Юзу Зардалишвили. А сколько выдающихся русских актеров без диплома – Иннокентий Смоктуновский, Фаина Раневская, Кирилл Лавров, Татьяна Пельцер, Ия Саввина, Георгий Бурков, Савелий Крамаров...

«Давид Сасунский»

удачи. Левон, прежде чем мы обратимся к вашему спектаклю...

Л.У. ...я расскажу, что еще мы увидели на Artmno. Польский спектакль «Пан Тадеуш» с Матеушом Новаком по Мицкевичу. Этот актер тоже не в первый раз на фестивале, мы друг друга знаем. Но, увы, кроме хау ар ю, мне сказать Матеушу почти нечего, а вот Ражден говорит по-польски и смог пообщаться с коллегой. Своеобразный спектакль. Матеуш исполняет сразу несколько ролей и делает это весьма выразительно. Хотя он по профессии филолог, но уже давно занимается монодрамой, получил массу призов за свои спектакли и высокие награды в Польше за вклад в развитие национальной культуры. Затем мы посмотрели спектакль Антона Мозгалева «Гамлет. Психоз». Несколько

Л.У. Его Гамлет – не приверженец загробного мира. Смерть для него – это тоже явление жизни. Та же жизнь, но в другой форме.

– Следующий спектакль?

Л.У. Иранский. «Одиночество Мана». Это было таинство, волшебство. Героиня – знахарка, колдунья с бесчисленными колбочками, травами, бесконечными заговорами... Перед нами предстал древний персидский обряд по воздействию на силы природы – зрелищный и таинственный. Затем мы посмотрели спектакль по известному рассказу Кафки «Отчет для академии» с Антонио Вака-Лагаресом из Германии... Яркая постановка.

Р.К. Правда, исполнитель был непрофессионал.

– А в чем это проявляется?

Р.К. Техники нет. На эмоциях играет. Без подтекста.

«Гамлет. Психоз»

Л.У. А что, разве Станиславский заканчивал театральный институт?

– Нет, он сам себе институт. Но все-таки актер – это ведь профессия...

Л.У. Я вкладываю в это понятие утилитарное значение. Профессional тот, для кого это профессия. Как говорил мой покойный друг Джованни Вепхвадзе, «я профессиональный художник, потому что я этим зарабатываю. А любитель (может, он даже рисует лучше меня) – не профессионал, потому что для него это не профессия». Так же и с актерами. Профессиональный актер каждый день должен выходить на сцену – это его работа. А любитель выходит, потому что ему хочется, но это не его работа. Ражден говорит о технике, о ремесле, но не об отношении к делу – это важно. Актер на сце-

не может работать на эмоциях 10, от силы 15 минут. Все остальное – техника. Он себя бережет. **Р.К.** Он доводит себя до кульминационного момента и там уже играет на эмоциях – так тоже бывает. Бывает, что играют только на технике – без эмоций.

Л.У. А любитель тратит себя. Играет исключительно на эмоциях.

– Наверное, вы предпочли бы работать с профессионалами? Им не надо ничего разжевывать, объяснять...

Л.У. Это интересная тема. Я вам объясню, в чем разница. Представьте: я работаю с профессионалом, мы проходим сцену, она

ты умудрился такой хороший спектакль поставить онлайн?

– По-моему, вы первопроходец в таком способе репетиций?

Л.У. И остаюсь им. Никто не рискует... Исполнитель и продюсер – Артур Хачоян. В прошлом он был актером нашего тбилисского армянского театра. Больше 15 лет живет во Франции. Там он получил дополнительное театральное образование. Он великий подвижник и популяризатор армянского театра. Его принцип – играть именно на армянском языке.

Р.К. Во Франции большая армянская диаспора.

Л.У. Диаспора-то немаленькая,

– Почему вы выбрали для постановки не пьесу, а очерк?

Л.У. В этом выборе я как раз не первопроходец. Очерк Чапека «Как ставится пьеса» не раз ставили на сцене, читали по радио... Артур поначалу отнесся к идее скептически. Но все-таки мы приступили к работе и работали более двух лет. Я подбрасывал ему отдельные сцены – одну, другую, третью... А потом мы обратились к Терезе Жамгарян с просьбой соединить уже сделанные сцены. Она актриса, к тому же прекрасно пишет на армянском языке. И она сделала инсценировку. Разумеется, Тереза подошла к вопросу не механически – она расширила тему, добавила свои ходы, и Чапек вдруг приобрел совершенно другое звучание. Получилось «по мотивам». Но это не просто описание театральной кухни, как у Чапека. Зачин такой: у актера бенефис, а труппа отнеслась к этому очень холодно. Он ждет – должен начаться спектакль, а актеров нет. И он выходит к зрителям, чтобы извиниться за задержку, беседует с ними, что-то рассказывает, скетч идет за скетчем, и постепенно начинается серьезный разговор о театре... На сцене стоят манекены в костюмах, актер переодевается прямо на сцене, персонажи сменяют один другого. Сперва Сирано, затем – дядя Багдасар, потом – Режиссер, в котором армянский зритель без труда разглядел черты наших больших режиссеров, например, Ваге Шахвердяна.

– У Чапека нет финала...

Л.У. А у нас есть, и нам помогла музыка Чарли Чаплина. Неслучайно на двух манекенах висят костюмы Бродяги и слепой девушки из «Огней большого города».

– Вы сами довольны спектаклем?

Л.У. Доволен в первую очередь тем, что впервые увидел его не на экране, а вживую. А если серьезно, то и наш спектакль, и спектакль «Медя» уже получили приглашения на несколько европейских фестивалей.

– Какой смысл в наше ужасное время заниматься театром, проводить фестивали? Тем более мы убедились, что все предупреждения, которые делает театр и вообще искусство, на-

«Одиночество Маны»

удалась, и я говорю актеру – это хорошо, закрепи. И он понимает, о чем речь. На следующей репетиции мы от закрепленного идем выше – потому что актер закрепил. Работаю с непрофессионалом (доводилось), говорю ему то же самое – запомни, закрепи. Но на следующей репетиции – ноль. Приходится начинать сначала. Почему? Потому что он не запомнил – у него нет техники, он не умеет закреплять.

Р.К. С любителем надо прогонять, прогонять без конца – чтобы он зазубрил, выучил. А профессионал все понимает и запоминает сразу.

– Ну вот, мы дошли и до спектакля «Звезда, украшенная хаосом, или Пусть конец будет добрым» по Чапеку.

Л.У. Да, я сделал эту постановку в Париже.

Р.К. Мне очень интересно, как

но раздробленная. Например, грузинская диаспора – поменьше, но намного сплоченнее. Если туда приезжает коллектив из Грузии, то залы переполнены – собираются все французские грузины. С армянами не так... И все-таки спектакли Артура собирают зрителя, более того, у него уже появился свой зритель, а это очень важно для любого театра. – *Ражден, каковы ваши впечатления от спектакля Левона?*

Р.К. Артур – очень хороший актер. Очень выразительный. У него яркий талант перевоплощения. Это очень важно для моноспектакля. Артур умудрился сделать все – взять зрителя, удержать его внимание и все донести через себя. Мне было очень интересно. И я, вместе со всеми зрителями, сидел разинув рот. Аплодирую Левону и Артуру!

прасны – танцы на граблях продолжают.

Р.К. Я отвечу живым примером. Что произошло после пандемии в Грузии? Люди ринулись в театр. Во многих театрах билеты были раскуплены на 2-3 месяца вперед. Это факт. Люди истосковались по живому контакту, живым эмоциям. Театр вечен.

Л.У. Но почему он вечен? Потому что он – ежесекундный. Он не имеет иной формы, кроме живой. Запись, фотография, рисунок – это другое. А театр рождается здесь и сейчас, кончается здесь и сейчас, завтра тот же самый спектакль будет иным. Театр появился за 500 лет до рождения Христа. И всегда звучит этот вопрос – какой же в нем смысл? Идут войны, бушуют эпидемии, происходят природные катастрофы... Но театр все равно есть.

Р.К. Потому что это живое общение и духовная пища.

– Левон, а ведь вы занимаетесь и цифровым театром.

Л.У. Да, и меня нередко упрекают – дескать, это и есть перерождение театра. Нет, ни в коем случае! Это совсем другой вид искусства. Точно так же относи-

«Эффект Элджернона-Гордона»

«Пан Тадеуш»

лись поначалу к кинематографу, считая его аттракционом.

Р.К. Люди в кино почти не ходят. Фильмы смотрят онлайн. А в театр ходят.

– Может, это еще и потому, что в Грузии нет серьезной системы кинопроката?

Л.У. Конечно. Но здесь вообще много нюансов. Помните анекдот? Тонет «Титаник», люди в панике, выходит капитан корабля и говорит: «У меня две новости, очень плохая и очень хорошая. С какой начать?» – «С хорошей, с хорошей!» – «У нас будет 11 «Оскаров»!» Так вот, «Титаник» надо смотреть именно на большом экране. И «Аватар» тоже. Под «Аватар» специально строили кинотеатры – с движущимися креслами и ветродувами.

– Аттракцион.

Л.У. А разве это плохо? Просто это совсем другое кино.

Р.К. Люди обленились. Им лучше сидеть дома на диване и смотреть на экран.

– Недавно мы с дочкой были в театре Марджанишвили. Смотрели «Метод Гронхольма». Прекрасный спектакль! По окончании моя дочь, юная барышня, сказала: «Надо же, я два с лишним часа смотрела, как четыре человека просто разговаривают, и мне было интересно!»

Л.У. Потому что это режиссура Темура Чхеидзе. Большая режиссура как бы и неощутима, не видна. Режиссура – это ветер, который заставляет листву колыхаться. Все остальное – постановка: зашел, вышел, перешел

с места на место... Я часто цитирую Параджанова, вот и сейчас не могу без него обойтись. Как-то он увидел, как я режиссирую – я тогда делал свои первые шаги в кино. И сказал мне: «Вопервых, не играй режиссера, во вторых, не играй режиссера и, в третьих, не играй режиссера. И постарайся сделать так, чтобы не ты творил, а все творили. В этом и будет твое творчество – чтобы в твоей группе все вокруг тебя творили. Тогда я скажу, что из тебя выйдет толк».

Р.К. Миша Туманишвили всегда повторял: «Не я, а мы».

– А как же «добровольная диктатура Товстоногова», например?

Р.К. Или Роберт Стуруа. Диктатор! И все-таки самые лучшие его спектакли – это «мы». Рамаз Чхиквадзе не мог быть марионеткой. А его шедевры сделаны именно с Чхиквадзе – «Кавказский меловой круг» и «Ричард III». Я имел счастье видеть эти спектакли. Выдающиеся актеры, которые там играли, были индивидуалистами. И тем не менее – «не я, а мы».

– Должен ли быть в профессии режиссера возрастной ценз?

Р.К. Ну что вы, конечно, нет. Другое дело, что у любого режиссера бывает пик. Все остальное – сперва подъем, затем спуск. Ничего не поделаешь.

Л.У. Я очень люблю Чаплина. Его поздние фильмы – не такие, как ранние. Но это Чаплин. И поздний Феллини – это тоже Феллини, и никто другой.

ИВАНЭ БЕРИТАШВИЛИ

■ Омар ШУДРА

В 1962 году я учился на четвертом курсе физического факультета Тбилисского государственного университета (специальность – кибернетика). Как-то на стене в коридоре увидел объявление, которое приглашало в Большую аудиторию на доклад академика Иванэ Бериташвили об... организации умственного труда.

Эту фамилию я знал не понаслышке. Курс физиологии нам читал доцент (впоследствии академик) Темо Иоселиани, прекрасный человек и ученый. По его рекомендации я для зачета прочел и подготовил конспект по объемному учебнику Бериташвили. Помню, я был ошарашен феноменальной эрудицией автора и солидным списком иностранной литературы.

На доклад в Большую аудиторию пришло не более десяти студентов. Пожилой ученый, стоявший у моей парты в первом ряду, очень спокойно, подомашнему беседовал с нами. Так я впервые познакомился воочию с нашим знаменитым соотечественником, академиком Бериташвили.

Позже я узнал, что этими вопросами он был увлечен с ранних лет, и на самых своих первых лекциях говорил со студентами об организации умственного труда, о честности и скромности.

Также большое внимание уделял Бериташвили роли осанки, положения позвоночника в жизни человека. Дома академик занимался на «шведской стенке», а на заседаниях в академии никогда не сидел, пред-

почитая стоять у стены.

Иванэ Бериташвили родился в селе Веджини близ Гурджаани. Отец был священником. В семье родились двенадцать детей. Учился Ваню в Телавском духовном училище, затем в Духовной семинарии в Тбилиси. Но Ваню не хотел становиться священником и бросил семинарию. Конечно, это стало причиной серьезного конфликта с отцом. Ваню пришлось жить самостоятельно, порой – в большой нужде.

Упрямый характер постепенно преобразился в силу воли.

Ваню снял комнату у русской семьи – чтобы изучить русский язык. Жил вместе с Александром Сванидзе, будущим министром финансов и иностранных дел. Под его влиянием Ваню глубоко увлекло чтение, начал вести на русском языке дневник самовоспитания, стал интересоваться социологией. Собирался учиться на факультете политэкономии Санкт-Петербургского университета, но в итоге в 1906 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета.

В стеснительном, необщительном студенте, настоящем бирюке, педагоги без труда заметили исключительное трудолюбие. Бериташвили заинтересовался физиологией и уже на третьем курсе начал экспериментальную работу под руководством профессора Н.Е. Введенского. Вскоре последовали и первые научные публикации. По окончании университета Бериташвили оставили при кафедре, а в 1914 году направили в

Голландию.

С 1915 г. он – приват-доцент медицинского факультета Новороссийского университета в Одессе, читает специальный курс по физиологии мышечной и нервной систем.

Вскоре Иванэ женился на своей студентке Ольге Невинской. У счастливой пары родилась дочь Саломе.

В 1919 году И. Бериташвили приглашают в Тбилисский университет, открывшийся годом ранее, и избирают профессором кафедры физиологии. Выдающийся ученый заложил основы грузинской научной физиологической школы и проявил при этом большой научно-организационный и педагогический талант.

«Общая физиология мышечной и нервной системы» И. Бериташвили (1922 г.) была переиздана несколько раз. Всего им написано девять монографий и свыше 400 научных статей.

С 1934 года он – директор Института экспериментальной биологии (с 1935-го – Институт физиологии).

Однако на долю И. Бериташвили выпали и тяжелые испытания. В июне 1950 г. академика подвергли резкой критике как «подпевалу буржуазным ученым» за искажение взглядов Павлова. В апреле 1951 г. было принято постановление, в котором осуждались «порочные установки» Бериташвили по психонервной деятельности. В печати появились статьи против ученого, его сняли с должности директора Института физиологии, перестали публиковать труды. Все изменилось после смерти Сталина. Бериташвили вернулся к полноценной научно-исследовательской деятельности. Кстати, все эти годы ученый не потерял даром – он сидел в публичной библиотеке и написал выдающуюся монографию об истории физиологической мысли в Грузии.

Академик АН СССР, академик АН ГССР, Герой труда, орденноносец И. Бериташвили скончался в 1974 году в возрасте 90 лет. Похоронен в университетском саду-пантеоне. В селе Веджини открыт дом-музей ученого.

ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

Рассказ

■ Елена СКУЛЬСКАЯ

В Переделкине все обледенело. Деревья с протянутыми для подаяния ветвями не могли удержать снежные глыбы, свалившиеся в их ладони; ветви ломались и лежали рядом с туловищем ствола. Было ниже тридцати градусов, и легкая поэмка вожила и полировала лед. В этом не было нужды, все и так поминутно падали и потом еще долго лежали, словно встать и идти дальше было лень; да, именно лень и особенная зимняя скука мешали искать уюта и тепла. Так под присмотром унылого хозяина дворник все метет и метет облетающий сад, будто сад может в какой-то момент остановиться и не сбрасывать под ноги листву, а стоит хозяину уйти в дом, как дворник тут же бросает свою заботу; деревья раздеваются догола, что странно – в зеленом оперении было бы легче вытерпеть холода.

Писателей из разных стран вели к деревянному двухэтажному домишку с верандой: двери веранды были распахнуты и уже придавлены для верности сугробами, и поэмка пробиралась под тонкие занавески, чтобы и там, в комнате, навести порядок и начистить пол до блеска.

Именно эта комната досталась пожилой поэтессе из Вильнюса – ее пригласили на фестиваль в последний момент, невежливо, почти пренебре-

жительно, вероятно, вместо кого-то, кто отказался, но она все равно поехала, чтобы поговорить по-русски, чего она у себя в Вильнюсе уже почти никогда не делала, говорила там по-литовски, хотя писать умела только по-русски, ее переводили (переводчиков с русского оставалась масса, а работы почти не было, и они расхватывали ее стихи, которые она сочиняла все реже и реже); она хотела убедиться, что по-прежнему чувствует свой язык – как слепец, оказавшись дома, ничего не проверяет на ощупь, а движется словно зрячий; раньше, овдовев, она даже собралась вернуться в Россию, но так и не собралась, а теперь, когда никто и нигде ее не ждал, было бы странно перебираться к родному языку – без единого родного человека.

На фестиваль были выделены большие деньги, но все до копейки было украдено организатором, приставившим к своей фамилии Иванов вторую – Таганский и объяснявшим этот псевдоним кровной связью с когда-то знаменитым Театром на Таганке и особенно дружбой с Владимиром Высоцким: много лет эта пронырливая ложь поддерживала его, но все меньше оставалось тех, кто бывал на Таганке и кто слушал песни Высоцкого, и Иванов-Таганский чувствовал, что вот-вот самозванство его потеряет смысл и надо успеть украсть все до дна,

до последней капельки. И сейчас он, приплясывая на льду и шевеля онемевшими пальцами в бабьих варежках, весело предлагал зарубежным, а когда-то советским писателям вспомнить трудности жизни на исторической родине.

Кровать в комнате стояла по колено в снегу, пожилая поэтесса из Вильнюса легла на нее прямо в сапогах и шапке, но все равно не могла согреться; снег из распахнутых дверей веранды заметал лицо, пронзительный лес за окном протыкал сердце; утром, когда всех повели завтракать, она попросила Иванова-Таганского вызвать ей «скорую», тот посмотрел на ее синеющие губы и предложил принести ей в комнату радиатор, она отказалась.

Приехала поселковая «скорая» – два молодых человека в белых халатах, надетых поверх полушубков; первый и, наверное, главный, угрюмым тюремным голосом сказал, что с медикаментами плохо, что можно, конечно, увезти ее с собой, но и в больнице обстановка не намного лучше, только теплее, а лекарств и аппаратуры все равно нет, а второй взял ее за руку. Он гладил ее руку и приговаривал шепотом, ласково, так ласково, как с ней никто давным-давно не говорил:

– Была чудесная длинная жизнь, длинная жизнь и чудесная.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Сердечно поздравляем с юбилеем Елену СКУЛЬСКУЮ, блестящего литератора, нашего верного и любимого друга! Много-много счастливых лет! И пусть наша дружба не кончается!

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ» Павел Флоренский в Грузии

Окончание

Нинель МЕЛКАДЗЕ

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛУЧАЙ В ДЕНЬ КОНЧИНЫ В. ЭРНА

Об этом Павел Флоренский напишет в воспоминаниях «Памяти Владимира Францевича Эрна»: «Милый друг! Я расскажу тебе об одном новом впечатлении в связи с твоим отходом отсюда. В субботу 29 апреля текущего 1917 года я служил воскресную всенощную у себя, в

церкви Красного Креста. Запели стихиры на «Господи, воззвах», и тут напало на меня странное состояние, внешне как будто оцепенение, что ли, и временное забвение всего, что было кругом. Сколько длилось это оцепенение, я не знаю — вероятно, не долго, потому что до окончания стихир я уже пришел в себя и заметил, что мои глаза мокры от слез. Внутренне оно было и полно содержания, и как бы длительным. Мне представился ряд ярких, почти как сновидческие образы, быстро проносящихся видений, воспоминаний нашего с тобою знакомства, наши прогулки, наши разговоры, все наше общение. Они развертывались, как лента жизни, я не помню их порядка, но помню, что среди видений был ты мальчиком, еле знакомым еще со мною, несущим по солнечной улице под мышками кур, которыми ты занимался тогда с тою же безраздельностью, с какою впоследствии отдавался всякому порыву. Мне представились и другие твои увлечения, твои беседы, твои борения, слезы твои, когда тебя обижали, — все твое или к тебе относящееся. Мне представилась, словом, вся твоя жизнь, насколько я знал ее, последовательная и вместе — в едином созерцании. Но в содержательности многообразной картины твоей жизни мне чувствовалась одна первичная интуиция. Все вспомнившееся о тебе относилось к солнечным дням, к жаркому времени Закавказья, в особенности к знойному и ослепительному лету. Твой образ рисовался моему воображению, если это было только воображение, в воздушной перспективе прозрачно-голубого горного воздуха, в ослепительном, как только на горах бывает ослепительно, знойном солнце. Вихрем неслись воспоминания и еще более быстрым вихрем растворенные с образами мысли. Словно что-то искалось. Но как только было сказано это слово «пронзено солнечным лучом», — мысль нашла себя. А, так вот что! Вихрь замедлил свое течение. Мне вспомнился тогда твой последний приезд ко мне в Посад на Масляной этого года, когда ты только что окончил свою статью о Платоне и перед сдачею в печать привез прочитать ее и посоветоваться о ней. Ведь ты помнишь

тот опыт, который открыл тебе понимание Платона: в июле 1916 года, кажется, 25-го числа, т.е. как раз «на макушке лета», <...>, ты поднимался из Красной Поляны на вершину Ачишхо. Снежные твердыни, залитые потоками всепобедного солнца, которое в горах, и в особенности на этот раз, сияло как-то иступленно, вызвали в тебе солнечное восхищение, как сам поведал ты. И уже после, когда впечатление ослабло, осенью, ты рассказывал об этом созерцании как об «ужасном», «потому что, — говорил ты, — невозможно видеть такую красоту и не умереть». И этот круг твоих мыслей, вращаясь в тебе полусознательно, облекся в взволновавший тебя сон, виденный за некоторое время до смерти. Ты видел себя держащим в левой руке свое сердце, которое надо было тебе пронзить чем-то острым, что было у тебя в правой, пронзить как-то необычайно осторожно, ибо от успеха этого все зависело. Это острое, думается мне, была стрела Аполлона. И, как бы переключаясь с твоим солнечным восхищением на Ачишхо, отвечает ему твой сон, виденный ровно 16 лет тому назад в Тифлисе 25-го же июля. Мне смутно вспоминается та тревога, с которой ты мне рассказывал тогда о нем, и его содержание. Но я имею воз-

можность воспроизвести современную запись его, найденную мною в твоём дневнике. Вот она: «25-го июля 1900 г. Сегодня я видел страшный сон. Я был осужден каким-то образом на самоубийство. Я отлично понимал, что мне приходится расставаться с этой жизнью и переселяться в иной мир, но я был как-то мрачно спокоен. Я отлично представлял себе, как я подставляю холодное дуло револьвера к сердцу и в одно мгновение спуском курка лишу себя жизни. В той жизни я был уверен. Мелькала мысль о своих грехах, и я чувствовал приступы отчаяния от того, что я не могу загладить своего прошлого. Тогда я порывался умолять того, от кого зависела моя жизнь, но ужасная мысль, что это напрасно, останавливала меня. Тогда я вспоминал о всепрощении Бога, о благодати и милости Его и в мысли этой находил твердый источник утешения... Пред смертью я должен был попрощаться с папой и мамой. В слезах я поцеловал папу, но папа, занятый, кажется, чтением письма (брата) Коли, не обратил особенного внимания на меня, попрощался со мной, будто я шел в город. Мама перекрестила меня трижды, но слез не было. Потом я остался один с мыслию о неизбежности скорой смерти. Ужасна эта мысль. Я чувствовал, что меня давило что-то в грудь, я уже начал покоряться необходимости, как вдруг я почувствовал, что начинаю просыпаться... Что это значит?.. (Я никогда почти снов не вижу.)». Переживая твою жизнь в кратчайший срок, я почувствовал, что вся она была путем к радостно-восторженному пронзению своего сердца солнечным лучом, и плакал я не о тебе, а о нас, в тебе нуждающихся. Я не хочу сказать: «Ты сделал, что мог сделать». Напротив, наблюдая тебя с детства, я весьма определенно знаю, что ты принадлежал к числу тех, которые являют собою прямую противоположность скороспелым гениям. Ты развертывался с величайшею постепенностью и чрезвычайно медленно. Знаю также и то, что ты действительно не успел проявить своих возможностей и только-только начинал входить в зрелый возраст, и я не буду утешать себя и друзей ложными утешениями, будто бы

ты достаточно поработал, ибо не сомневаюсь, что в порядке историческом, в нашем общении, для нашей общей работы, ты только теперь вступаешь в меру твоего настоящего плодоношения. Но есть иные порядки и иные расчеты. И в этой иной плоскости я слышу тебя говорящим: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое». А если готово, то я не могу и не должен удерживать тебя от воспарения к иным светам, предварениями которых готовился ты к последнему восхищению. На этом внутреннем решении прервался поток моих образов и мыслей, но вместе с тем возникла полная уверенность, что эти минуты были вызваны во мне тобою, уже не дождавшимся моего решения. Вернувшись домой после службы и некоторых дел, я прочел полученную в мое отсутствие телеграмму, поданную 29-го в 5 часов 23 минуты: «Эрн умер».

С окончанием гимназии детство окончилось, завершился период самоформирования. П.А. Флоренский говорил, что все, что он понял, открыл, осознал, — все заложено в детстве. С окончанием гимназии, где он много занимался физикой, геологией, астрономией и математикой, Флоренский поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там в душе Флоренского начался процесс разочарования в науке, которая не может дать последней Истины. «Если смотреть на мир как на место, полное чудес, — писал он в статье «О суеверии и чуде», — то на почве таких восприятий обязательно образуется религиозное мировоззрение». Как ни учил его в детстве отец, что в мире нет истин, а только гипотезы, он начал свое движение к Богу. Флоренскому пришла в голову мысль «объединить знание и религию в одно». Обосновать синтез науки и веры. Но это уже другая тема.

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ ПРИВЫК Я РОДИНОЙ СЧИТАТЬ»

В жилах Флоренского текла русская, армянская и грузинская кровь. «Для меня кавказцы были слишком свои, — писал он, — отец же еще был отделен от них чувством экзотики». В семье Фло-

А. Голубкина. Портрет профессора В.Ф. Эрн. 1914

ренских всегда был культ Кавказа. Именно Кавказа, не Армении, потому что все кавказское было у них любимо, почитаемо, уважаемо. От кавказских кровей ему достались смуглое лицо, нос и длинные курчавые волосы, за что и называли Павла «нос в кудряшках».

Павел Александрович, как и все священнослужители, вплоть до 1929 г. не носил штатской одежды. Дома носил на поясе большой красивый кавказский кинжал. Что означала эта символика, мало кто имел понятие.

Лагерные письма Флоренского к маме, жене, детям полны глубокой ностальгии по отнятой родине – Кавказу, по семье, по детству. Проиллюстрируем вышеизложенное цитатами из них:

«Между прочим, здесь я встречаю иногда кавказцев и вспоминаю о местностях, где я бывал, о море и о горах. Вместе с видом, напоминающим Кавказ, это дает особенно яркое воспоминание о детстве».

«В здешних краях, кроме москвичей встречаю немало кавказцев или живших на Кавказе и вспоминаю с ними места, знакомые им и мне. С одним полугрузином думаю освежить в памяти то, что я когда-то выучил из грузинского, но сейчас начисто забыл. Зато сильно опасаюсь за свой русский язык. Тут везде столько слышишь не то украинской, не то полукраинской речи, или полубелорусской, что неправильные обороты и нерусское произношение перестают резать ухо».

«Кроме того, до сих пор у меня не иссякли присланные вами припасы, и каждый день я извлекаю к чаю или к ужину из чемоданных недр что-нибудь московское или кавказское, т.к. среди присланного есть и кавказское. В лаборатории царит тишина, особенно во второй половине дня, когда уходят работники, приходящие со стороны и здесь не живущие. В общем настолько тихо и уединенно, что мне все кажется, будто я плыву на пароходе и что кругом меня море».

«Часто вспоминаю всех вас и, вероятно, по старости или по особенностям пейзажа, свое детство, но не тифлисское, а батумское. К тому же встречаюсь часто с разными кавказцами

всех мастей и национальностей, так что и они наводят на мысли о Кавказе».

«К моему удивлению, здесь водятся ящерицы, я видел их раза три. Но от холода и сырости они вялы и еле ползают, так что в них не узнаешь моих любимых шустрых скалозвителей Кавказа».

«В последний раз в посылке содержались буковые орешки, напомнившие мне детство и Кавказ: Откуда они? А главное, зачем лишаешь детей последнего и присылаешь мне то, что хотелось бы передать им. Еще раз прошу, если хочешь заботиться обо мне – заботься о детях».

«Рядом со мною в камере квартирует один тифлисский армянин, уже пожилой, так что находится у меня с ним немало общих знакомых, и мы вечерами иногда вспоминаем Тифлис». «Бригадир командировки – армянин из-под Тифлиса, угощал меня разными кавказскими припасами – сыром, медом, орехами и яблоками, даже каймаком, так что я наелся и отогрелся в жарко натопленном бараке. Вспоминали Кавказ, разные места и кушанья».

«Иногда, к сожалению редко, по радио передаются романсы Шуберта: «И песнь моя...» и др. Тогда с необычайной живостью мне вспоминается, как ты их пела, и эти воспоминания связываются с Батумом. Замечательно, что из батумских впечатлений особенно ярки первые, когда мы жили у полотна железной дороги и переезда, недалеко от батареи. Ясно вижу перед собою балкон, домик, который построил на нем папа, семью актеров, живших во дворе, контрабандистов-фальшивомонетчиков, которые внезапно сбежали. Как ясно припоминается мой «охотничий» костюм, магазин Триандопуло, мыло тридас, венецианские бусы, пристань и т.д. Мельчайшие подробности стоят перед глазами, как будто были сегодня. Более позднюю жизнь в Батуме тоже помню хорошо, но все-таки не так ясно».

Его лагерная тоска сливается с тоской по Кавказу в лирической поэме «Оро»:

В горах, прекраснее всех
стран,

Раскинут наш Аджаристан.
Слоновокопный там самшит
Земля приморская родит,

Над морем, среброгруд,
баклан
Прорежет утренний туман,
И облачных закатных туч
Края зажжет последний луч
Смарагдным светом. Вечных
дум

Предмет моих – родной
Батум.
Шумит там море, и в волнах,
В их контрапункте слышен
Бах,

Когда сардоникс и агат
Волной влекомые гремят.
Прошлое врезается в его
душу и постоянно мерещится.
Нечто подобное он старается
уловить и в Забайкалье, но в
душе слышится то, что было в
свое время столь драгоценным
для него в Батуме:

...О, мой Батум,
Предмет всегдашних,
горьких дум.
Шумит там море, и в волнах,
В их контрапункте слышен
Бах...

Бушует буря. Ужас. Шум.
И грохот волн – таков Батум.
Как оркестрован! Грохот, вой,
Стук кастаньет, зовет гобой.
Fortissimo ревет тромбон.
Не взбешенный ли дикий слон
Трубит и брызжет, сам
не свой?

В «чужой» ледяной реальности Флоренский обращается к красоте «своего» южного края, к морю с его таинственной музыкой, богатством красок, цветов, запахов, всего того, чего, как он ни ждет, «чужой» мир дать ему не может:

Не купол то Софии, нет.
Преображенный в белый
свет,
Сияющий стоит Фавор
Над цепью Тукурингрских
гор.

Шум «своего» морского прибора слышится ему музыкой Баха. Он жадно прислушивается к северному морю, но чужое остается «чужим», не порождая музыкального эффекта. Поэма и письма свидетельствуют о том, как глубоко Флоренский был связан со своим «родовым» пространством, и в то же время открывают доступ в мир «чужого», «паломничество» по которому ему пришлось совершить в ожидании расстрела в ГУЛАГе.

ОН ИЗБРАЛ РОДИНУ

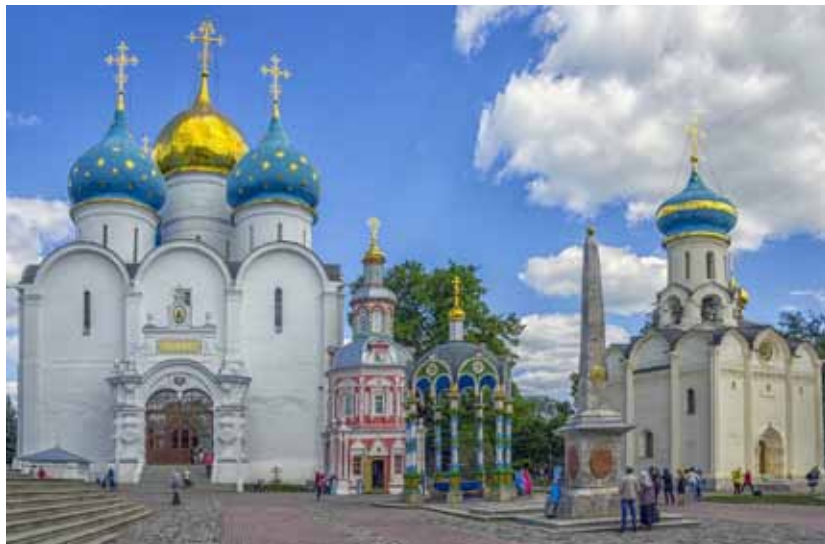
Внук отца Павла, игумен Ан-

дроник (в миру А.С. Трубачев), писал: «Если умозрительно соединить места, где побывал П.А. Флоренский: Германия, куда ездил в детстве, Дальний Восток – начало крестного пути, Закавказье, где родился и обратился к Богу, и, наконец, Соловецкий лагерь особого назначения, то получится крест. И если мысленно поднять его, опирая на основание – Дальний Восток, то как бы обозначится место упокоения христианина, лицом к востоку, чтобы, встав в день Страшного Суда, увидеть крест как знак Воскресения и крест – отпечаток земной жизни. А в месте пересечения линий, где сердце, окажется Сергиев Посад – место подвига».

«Можно сказать, что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, – пишет протоиерей Сергей Булгаков, – но он избрал родину, хотя то были и Соловки, он хотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он, и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление».

Одна из духовных его дочерей, Т.А. Шауфус, ставшая секретарем президента Чехословакии Томаша Масарика и умершая в 1986 году в Америке, обратилась через президента Чехии с просьбой вывезти отца Павла из СССР. Разрешение на выезд было получено, при этом позволено было эмигрировать со всей семьей, но отец Павел отказался, и отказался дважды. На первое предложение он отозвался, ссылаясь на слова апостола Павла, что надо довольствоваться тем, что есть. А во второй раз просто попросил прекратить какие-либо хлопоты, касающиеся выезда.

Почему же отец Павел не эмигрировал вместе со значительной частью русской интеллигенции и духовенства? Думается, лучший ответ на это дал все тот же С.Н. Булгаков, вполне испытывавший горечь насильственного изгнания: «Сам уроженец Кавказа, он нашел для себя обетованную землю у Троицы Сергия, возлюбив в ней каждый уголок и растение,

Троице-Сергиева Лавра

ее лето и зиму, ее весну и осень. Не умею передать словами то чувство родины, России, великой и могучей в судьбах своих, при всех грехах и падениях, но и в испытаниях своей избранности, как оно жило в отце Павле».

«Есть тонкое очарование Лавры, – писал П.А. Флоренский, – которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это – истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом Преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования – в его глубокой органичности. Тут не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то, трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь, в Лавре именно, хотя и непонятно как, слагается то, что в высшем смысле должно называть общественным мнением, здесь рождаются приговоры истории, здесь осуществляется всенародный и, вместе, абсолютный суд над всеми сторонами русской жизни. Это-то всестороннее жизненное единство Лавры как микрокосма и микроистории, как своего рода конспекта бытия нашей Родины, дает Лавре характер ноуменально-

сти. Здесь ощутительнее, чем где-либо, бьется пульс русской истории, здесь собрано наиболее нервных, чувствующих и двигательных окончаний, здесь Россия ощущается как целое».

Да, он искренне возлюбил землю у Троицы Сергия, и все же, судьбой отторгнутый от родного края, к родине привязанный навек, в душе везде и всюду с ним был Кавказ. Вместе с тем борьбу за крест в истории он понимал как борьбу за любимую землю человечества. В воспоминаниях об отце Павле С.Н. Булгакова есть такое место: «Он любил ее, эту родную землю, как всечеловеческую мать, древнюю Деметру, но вместе знал и чтил ее как святую Богоземлю, Пречистую и Препоблагословенную». Такие же чувства он испытывал по отношению к матери. Самое убедительное в нем было то, что всю эту необъятность он нес, точно религиозное послушание, в тишине, цельности и скромности. Портрет Нестерова («двух философов») передает что-то из его углубленной тихости, из его погруженности в «видение эпохи».

Как бы подводя итоги благородной и в то же время трагической жизни Павла Флоренского, С.Н. Булгаков отмечал, что «духовным центром его личности, тем солнцем, которым освещались все его дары, было его священство... Настоящее творчество отца Павла – не книги, но он сам, вся его жизнь, которая ушла безвозвратно из этого века в будущий».

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Вавилонское столпотворение

Ироническая характеристика суматохи, неразберихи, хаоса.

Источник: библейский сюжет (Бытие, гл. 11, ст. 4). Народы Вавилонского царства задумали построить высокую башню (столп): «И сказали они: построим себе город и башню, высокою до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли».

Бог, возмущенный дерзостью людей, смешал языки и наречия строителей, они перестали понимать друг друга и не могли продолжать «столпотворение».

Валаамова ослица

Шутливое выражение о покорном, молчаливом, безропотном человеке, который неожиданно решился протестовать и выражать свое мнение.

Источник: библейский сюжет (Книга чисел, гл. 22, ст. 28). Месопотамский пророк Валаам направлялся на своей ослице в землю моавитян, чтобы проклясть израильтян, которые под предводительством Моисея пришли на равнины Моава и собирались двинуться дальше. Неожиданно ангел с обнаженным мечом преградил путь ослице, и она свернула в сторону. Валаам же не видел ангела и потому стал бить ослицу, чтобы вернуть ее на дорогу. Трижды Ангел преграждал путь и трижды ослице приходилось выносить удары палкой. И тогда она заговорила человеческим голосом: «Что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?

Не я ли твоя ослица, на которой ты ездил с начала до сего дня? Имела ли я привычку так поступать с тобою?» В этот момент Валаам увидел ангела с мечом и понял, что Бог вразумил его, даровав ослице способность говорить.

Валтасаров пир (Пир Валтасара)

Иносказательное выражение о беззаботном веселье в канун неминуемых бедствий, о пиршестве, оргии накануне несчастья.

Источник: библейский сюжет (Книга пророка Даниила, гл. 5). Последний вавилонский царь Валтасар устроил пир и решил на кошунство: приказал принести золотые и серебряные священные сосуды, которые его отец Навуходоносор силой забрал из Иерусалимского храма, разлить в них вино для участников пира. Вдруг в воздухе появилась огненная рука и начертала на стене письмена: «Мене, мене, текел, упарсин». Призвали пленного еврейского пророка Даниила, и он истолковал текст: «Исчислил Бог царство твое и положил конец ему. Ты взвешен на весах и найден очень легким. Разделено царство твое и дано Мидянам и Персам». В ту же ночь Вавилон был захвачен персами, а Валтасар убит.

Синоним: танцевать на вулкане.

Вампука

Имя нарицательное для спектакля крайне дурного вкуса, с банальным сюжетом, пол-

ного штампов и трафаретной театральщины.

Источник: название оперы-пародии «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера» (либретто М.Н. Волконского, музыка В.Г. Эренберга, премьера состоялась в 1909 г. в петербургском сатирико-пародийном театре А. Кугеля «Кривое зеркало»). Авторы высмеивали все недостатки традиционных оперных спектаклей тех лет: помпезность действия, надоевшие условности, кривлянье актеров, затянутость действия.

П.П. Гнедич писал, что история имени Вампука связана с тем, что родственница жены Гнедича, слушавшая рассказ Волконского о том, как воспитанницы Смольного института, поднося цветы принцу Ольденбургскому, пели на известный мотив из «Роберта-дьявола»:

«Вам пук, вам пук, вам пук цветов подносим», спросила: «Разве есть такое имя Вампук?» И Волконского осенило: «Эврика! Имя для героини найдено: оно будет Вампука». Возможно, свою роль сыграла и ассоциация с названием оперы Дж. Верди «Набукко».

Опера стала чрезвычайно популярной. Иногда, для большего комизма, некоторые арии значительно переделывались. И знаменитый хор, изначально прозвучавший в Смольном институте, иногда исполнялся, например, в таком варианте: «Вам пук, вам пук, вам пук цветов собирали, нас ра, нас ра, нас радует весна».

**Александр ЦВЕТКОВ (1954-2025),
инженер-механик, поэт, заведующий
постановочной частью театра им. А.С. Грибоедова
с 2004 по 2025 гг.**

Холодный день, холодное прощанье.
И выпитое было в самый раз,
Чтобы уйти, стереть воспоминанья,
Уйти туда, где кончился рассказ.
Уйти туда, за горы. О вчерашнем –
забыть. Забыв, все заново начать.
А холод – только знак перед ненастьем.
И в общем – больше нечего сказать.

Я – птица в синем поднебесье,
Желанье – то, что не сбылось,
Письмо – а в нем дурные вести,
Я – то, что мимо пронеслось.
Я – день. И он не повторится,
Я – ночь. Тревожная, без сна.
То – что могло, но не случится.
То – что случилось просто зря.

В ПАРКЕ «МЗИУРИ»
Фото: ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ